

Екатерина Горбунова

ВОПРЕКИ ОБЫКНОВЕНИЮ

Сказки Имперских дорог

Екатерина Горбунова
Вопреки обыкновению

«Автор»

2018

Горбунова Е. А.

Вопреки обыкновению / Е. А. Горбунова — «Автор»,
2018 — (Сказки Имперских дорог)

ISBN 978-5-532-97816-4

Мирра - драконица. Её опыт подсказывает не слишком доверять людям. Она почти смиряется с тем, что ей светит одинокое будущее, в котором нет близких отношений, нет соплеменников, потому что ни одного из них она до сих пор не встретила, а сведения, почерпнутые из книг, противоречивы и неточны. Но однажды привычная реальность разбивается вдребезги с появлением в жизни Мирры воришки Жюля и принца Людовика.

ISBN 978-5-532-97816-4

© Горбунова Е. А., 2018

© Автор, 2018

Содержание

1	5
2	18
3	26
4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Екатерина Горбунова

Вопреки обыкновению

1

Если Мирра задумывалась о своем раннем детстве и матери, в памяти возникала молодая еще женщина с большими печальными карими глазами и темными волосами, собранными в аккуратный пучок, и девочка совсем не походила на нее, будучи белокурой, белокожей и нежной, как садовая роза. Мать всегда носила простые платья из некрашеного полотна, у нее не было никаких украшений, кроме тонкой цепочки причудливого переплетения с массивным, видимо, мужским перстнем на ней. На вопросы дочери о том, кому принадлежало украшение, она односложно отвечала, что ее отцу, но при этом не упоминала ни его имени, ни случая, приведшего к их разлуке.

Такая секретность только подстегивала фантазию ребенка. Мирра воображала, что родитель – никак не меньше, чем принц, или даже король, а в его отсутствии виноваты не иначе чем какие-то высшие силы, с которыми не справиться обычным смертным. Почему именно так? Потому что жили девочка и ее мать в самом настоящем некогда роскошном замке, правда, сейчас запущенном и нелюдимом, полном полуразрушенных коридоров и закрытых комнат, но не потерявшем своего строгого и величественного очарования. И кроме них двоих в здании не было ни одного человека: ни слуги, ни горничной, ни прочей прислуги. И даже нога случайного прохожего ни разу не ступала на мощеные мраморные плиты двора, максимум, куда мог пробраться кто-нибудь посторонний – к воротам на границе между дикими зарослями неужоженного сада и дорогой.

Девочке такая уединенность казалась вполне нормальной. Мать же никак не выказывала своего отношения к одиночеству, может по причине малолетства дочери, может из-за простой нехватки времени, ведь всю работу по ведению хозяйства женщине приходилось выполнять самой: мыть, убирать, готовить, стирать, шить, выращивать овощи на огороде. А если она и выбиралась иногда из замка, то или когда случалась ярмарка в деревушке под холмом, или, будто по необъяснимому зову сердца, когда на прочий людской мир напал неведомый мор, с которым не могли справиться местные лекари.

Мирру с собой мать не брала, но по возвращении подробно описывала дочери все, что видела и кого повстречала. Повествование всегда было неспешным и образным. Из него вырисовывалась картина такого далекого от их быта мира. Девочка слушала эти рассказы, затаив дыхание. Ей казалось невероятным, что где-то есть еще люди, кроме них двоих, что они живут, двигаются, разговаривают, о чем-то думают и мечтают. И, оказывается, иногда болеют. Их тела поражали разные недуги, и чем тяжелее, тем более изнеможенной являлась домой мать. Она слабым голосом рассказывала дочке, как вытягивает болезнь из человеческих тел, выманивает и сжигает. Мирра принимала как должное, что порою из рук родительницы вылетали волшебные искорки, исцеляющие и наполняющие силой, но малышке казалось несправедливым тратить эти искорки в ущерб своему здоровью.

Еще, кроме рассказов, в подарок женщина приносила детские книжки с картинками. Сказочные истории призваны были скрашивать часы, когда Мирре приходилось заниматься самой собой, и зачастую заменяли друзей. Наверное, поэтому читать девочка научилась довольно рано, сначала смешно складывая буквы в слоги, потом в слова, затем во фразы. К учебе мать ее не принуждала, но дополнительный интерес подстегивала редкими улыбками,

видимо, женщине было приятно, что дочка довольно способная, особенно для своего неразумного возраста.

Еще детские воспоминания Мирры были полны деревьями с длинными сучьями, которые казалось бесполезным подстригать, потому что они принимали свой запущенный вид буквально за несколько часов; обволакивающими рот пряными плодами меженинки; а также взлетающими в небеса самодельными простыми качелями. Девчушка обожала тогда это непередаваемое ощущение, когда руки матери с силой толкали их, и они взмывали вверх, а потом так же стремительно опускались вниз, в душе тогда что-то сладко замирало, и сердце начинало часто-часто биться. Маленькой Мирре казалось, что она летит, словно птица. Ну, или дракон, на крайний случай, потому что пернатых девочка видела своими глазами, а вот Великие Крылатые казались только сказкой огромной Империи.

Мать улыбалась и раскачивала дочь все сильнее, сильнее, сильнее... В этот момент в глазах женщины появлялось какое-то ожидание, она словно надеялась увидеть в девочке что-то до сего скрытое от ее внимания. Но, видимо, Мирра не оправдывала надежд. Тогда мать резко притормаживала качели и уходила по тропинке к замку, слишком быстро, и не оглядываясь. А малышка оставалась в саду, одна. Вся в сомнениях и тревоге, не понимающая, чем опять не угодила. Бессильно повисшие качели будто отождествляли обломанные крылья. И душа Мирры наполнялась недетской тоской. Девочке хотелось бежать следом за единственным родным человеком, но ноги словно становились каменными; хотелось заплакать, но слезы застывали в горле горькими комочками; хотелось закричать, но голос пропадал вовсе, или опускался до едва слышного шепота.

Матери не стало в самый разгар сезона большого урожая. Она вернулась после очередной своей отлучки за пределы замка, присела на скамью, вроде бы просто отдохнуть, опустила голову на руки и больше уже не встала. Мирре шел тогда шестой год. Сказать, что девочка растерялась или испугалась – значит не сказать ничего. Маленькая душа наполнилась таким безграничным смятением и отчаянием, что не существовало слов для их описания. Опустившись на корточки, малышка попыталась растормошить замершую женщину, но та не отвечала, холодея и бледнея на глазах. Даже на неискушенный взгляд было понятно, что ей так плохо, что сегодня не будет никаких рассказов и подарков, и вполне вероятно ей самой могут понадобиться живительные искорки, которые она по добросердечию растратила на других.

Тогда девочка выскочила во двор, пробежала босыми ножками по знакомым тропкам заросшего сада, уходя все дальше и дальше, к огромным кованым воротам, впервые в жизни добралась до дороги, ведущей к людям, и неуверенно замерла у развилки, дожидаясь хоть какого-нибудь прохожего. Мирра плохо представляла, как начать разговор и о чем просить, до этого момента она общалась лишь с матерью, но в добрых сказках героям в трудный момент всегда приходил на выручку кто-нибудь знающий. С наивностью, присущей ее возрасту, малышка не задумывалась, о том, что случайный путник может оказаться разбойником или лихим человеком. Она просто свято верила, что на ее просьбу о помощи откликнуться, и мать будет жить.

На удачу, самым первым оказался безобидный седобородый старец в длинном запыленном балахоне. Голова его была непокрыта, глаза мудры и наивны одновременно. За плечами болтался небольшой узелок, в руках топорщился не обрубленными до конца сучьями посох. Старец немедленно откликнулся на призыв Мирры о помощи и поспешил за девочкой в замок. Они шли так быстро, как позволяли заросшие тропы и спотыкающиеся ноги. Малышка доверчиво вложила свою маленькую ручонку в большую морщинистую ладонь, в которой, увы, не ощущалось живительных искорок. Но новый знакомец внушал доверие, а еще старался приободрить и поддержать растерянного ребенка.

Когда они добрались до замка, на улице уже начинал клубиться вечерний туман, и сквозь зыбкую молочную пелену посверкивали ранние звезды. Впрочем, Мирре было не до любо-

вания: во-первых, мать не вышла им навстречу, а значит, ей не стало лучше, а во-вторых, девочка слишком привыкла к сдержанной и строгой красоте места, которое считала своим домом. Запыхавшийся старик немного округлил глаза, когда увидел, куда именно ведет его ребенок, но, видимо, решил отложить расспросы до более благоприятного момента.

Мирра со спутником миновали двор и вошли не через парадный вход, который неприветливо взирал полуразрушенной горгульей и скалился щербатой лестницей, а через неприметную сначала дверь, ведущую в довольно просторную кухню. Мать все так же сидела на скамье перед столом, положив голову на руки, и застывший взгляд женщины подсказывал, что, увы, уже ничего нельзя сделать. Легкое дуновение ветра, ворвавшегося с улицы, всколыхнуло ее длинную юбку, и покойница, словно только и ждала этого, вдруг покачнулась и рассыпалась переливающимися в лучах полной луны чешуйками размером с ноготь большого пальца, оставив после себя только их и ворох одежды на полу.

Девочка закричала, не заметив, что старик в первый момент оторопело уставился на необычные останки, и лишь потом присел перед ней и крепко обнял, ласково поглаживая по голове и хрупким плечикам. Крепко зарывшись лицом в пыльный плащ, Мирра дала волю слезам. Одиночество накрыло ребенка своим сиротским покровом, разрушило маленький уютный мирок, в котором не будет теперь добрых сказок, полетов на качелях и тайн. Мать забрала их с собой, не посчитав нужным поделиться ими со своей дочерью.

Плакала малышка долго, пока река слез не иссякла, превратившись сначала в ручеек, а потом вообще в редкие обжигающие капли. Плечо старика промокло, спина затекла и болела от неудобного положения, но горе Мирры было столь велико, что казалось кощунственным заботиться о телесном благополучии, поэтому он стоически терпел. Когда девочка отстранилась, робко оглянувшись на то, что осталось от матери, гость привстал с тихим оханьем и потоптался на одном месте, чтобы размять затекшие конечности, а потом порылся в своем узелке, достал небольшие круглые очки и нацепил их на нос.

– Интересно, – пробормотал едва слышно, внимательно присмотревшись к груде чешуек на полу.

– Маму можно вернуть? – спросила малышка, сначала сделав несколько неуверенных шагов по направлению к скамье, а потом резко вернувшись к своему гостю.

– Боюсь, что нет, – старик предпочел честность мягкой лжи.

– Что с ней? – не сталкиваясь прежде со смертью, Мирра не могла до конца понять, что же именно произошло.

– Она ушла к Жизнеродящей.

– К кому?

Он приподнял лицо осиротевшей девочки за подбородок, всмотрелся в ее глаза, погладил по волосам, чуть ли не обнюхал, и спросил совершенно безо всякой логики:

– А эта женщина точно была твоей матерью?

– Думаю, что да, – не по годам рассудительно ответила Мирра, шмыгнув носом. – Так к кому она ушла?

Старик вздохнул, пожал плечами и задумался. Но пытливый взгляд заплаканных глаз не давал ему погрузиться в привычные размышления. Поэтому странник принялся рассказывать о Жизнеродящей, создавшей все живое в Империи, и Мракнесущем, который идет с ней рука об руку. О том, что тело смертно, но душа, использующая его, как сосуд – вечна. Что болезни и смерть – это лишь уроки Мракнесущего, даваемые всем живым шанс приблизиться к благодати Жизнеродящей. Раскрывать вопросы теологии, похоже, было для старца в новинку, поэтому повествование получалось весьма затянутым, местами сумбурным и путанным.

Девочка не перебивала, только хмурила бровки и сопоставляла услышанное с некоторыми сказками, где герои покидали этот мир, оставаясь лишь памятью сердца. Потом она подо-

шла к останкам и присела рядом с ними на пол. Порывшись в одежде почившей, она извлекла цепочку с перстнем и повесила себе на шею.

– Мама была очень хорошей, – голос Мирры дрожал, но слезы иссякли. – Ей не нужны были уроки. Тем более, мы ни разу не встречали этого Мракнесущего.

– Не стоит на него обижаться, – ласково прошептал старик. – Просто иногда книга нашей жизни заканчивается. У кого-то это долгая история, у кого-то короткая. Но все они стоят того, чтобы быть написанными. Ты ведь умеешь читать?

– Умею, – с серьезным видом кивнула девочка, это объяснение показалось ей более понятным, чем прежде, потом добавила для сведения, – меня научила мама. Ее звали Клотта Эраджаль. И я всегда буду помнить ее историю.

– А как звать тебя?

– Мирра Эраджаль.

– Вы жили здесь вдвоем?

– Да, – она хотела было добавить, что ее отец – принц, который оставил им с матерью этот замок, а сам пропал, но почему-то не стала, теперь эта фантазия показалась ей еще одной сказкой, внезапно прерванной на самом интересном месте.

Девочка потерела сверкающий перстень, потом обернулась к старику и крепко схватила его за руку:

– Ты ведь не бросишь меня? Научи меня как, и я попрошу этого Мракнесущего, чтобы он не давал тебе уроков, которые уводят к Жизнеродящей.

Старец пошамкал губами, удивляясь наивной просьбе ребенка. Маленькая дикарка очаровала его доверчивостью и тайной своего происхождения. Ему захотелось разгадать, что стоит за уединенностью проживания почившей драконицы, потому что, насколько он мог судить по останкам, человеком Клотта Эраджаль не являлась, и этой малышки. Поэтому старик просто представился, ласково пожимая тоненькие пальчики:

– Меня зовут Лазарь. Я магистр, ученый. Некогда преподавал в Центральном университете Империи драконологию и сферу магического влияния. Теперь вышел на заслуженный отдых и странствую по свету. Мне известно многое. Но вот как докричаться до наших богов, я, к сожалению, не знаю. Если ты хочешь, с удовольствием останусь с тобой, и буду во всем помогать, пока Мракнесущий не решит, что с меня хватит.

– Хорошо, – согласилась Мирра, признаться, она совсем не поняла, кем был ее новый знакомый, но чувствовала его доброе сердце. – Ты уж постарайся задержаться со мной, и не слушай своего Мракнесущего.

Лазарь понимал, что ребёнок боится остаться один в этих мрачных развалинах, пусть и довольно живописных, не представляет своей жизни без руководства и помощи взрослого и поспешил согласиться пожить здесь, тем более что особо спешить ему было некуда. Центральный университет Империи давал кров старику, только на срок работы. На свой дом накопить средств не получилось. Семьи ученый не завел, предпочитая личным отношениям науку, обращаться с маленькими девочками не умел, потому как все студенты, обучавшиеся некогда у него на курсе, были значительно старше пяти-шести лет. Но Лазарь дал себе слово поладить со своей нечаянной знакомкой. Малышка могла бы быть его внучкой, если бы в свое время он взял в жены дочку родительских друзей, запомнившуюся ему своими зеленовато-кариими глазами и веселым смехом. Глаза Мирры так же отливали зеленью, но другого, более яркого и чистого тона.

Интересно, какой внешностью обладала покойница?

Видимо, последний вопрос Лазарь задал вслух, потому что девочка сначала уставилась на него, а потом принялась довольно подробно описывать внешность матери. Что ж, все было вполне предсказуемым: смуглая кожа, карие глаза, темные волосы, худощавая фигура. Ребенок

ничего не взял от нее, если, разумеется, женщина не удочерила когда-то малышку, чего Лазарь не мог ни исключить, ни проверить.

– Скажи, а мама никогда не превращалась в кого-нибудь? – осторожно поинтересовался старик.

– Нет, – с тяжелым вздохом ответила Мирра. – Она всегда была только самой собой. А теперь вот стала ворохом блесток. Наверное, все ее жизненные искорки каменели, когда мама отдавала их заболевшим людям.

У Лазаря была своя версия произошедшего: просто порою после драконов оставались именно такие останки – но маленькой девочке знать этого не стоило, ее версия являлась более поэтичной и подходящей по возрасту.

Поскольку хоронить оказалось особо нечего, старый и малый, не сговариваясь между собой, собрали все чешуйки до одной в подобранный специально для этих целей большой кувшин с крышкой, и поставили эту своеобразную урну с прахом в одну из многочисленных ниш в длинном коридоре. Тихая печаль навеки поселилась в сердце ребенка. Впрочем, девочка ничем не выдавала ее: ни истериками, ни капризами, ни нечаянными слезами. Плакала ее душа, но ведь этого никто не мог увидеть.

В первый сезон своего проживания в замке Лазарь проявил досель дремавшие в нем строительную и хозяйственную жилки: он укрепил своды, расчистил особо опасные завалы и даже добрался до закрытых ранее помещений. Особенно порадовала его библиотека, полная книг, зачастую, конечно, порядком испорченных сыростью и грызунами, но все-таки достаточно богатая для этих развалин. К сожалению, никакая из найденных рукописей не проливала свет на Клотту Эраджалъ, или ее происхождение. Зато тут было много других редких изданий, посвященных драконам. Некоторые труды считались безнадежно утерянными, и каково же было удивление старика, который нашел их вдруг в таком случайном месте. Лазарь, к своему смутному стыду, моментально забросил все прочие дела, кроме как изучение книг, поэтому довольно скоро замок принял свой прежний вид, будто его и не пытались облагородить.

Для Мирры, впрочем, необжитость и запущенность казалась в порядке вещей. Они никогда раньше не занимали с матерью много помещений. Пожалуй, только кухня, кладовая, несколько спален и небольшая зала с темными портретами на стенах – являлись их привычной средой обитания. Но когда Клотта пыталась привести в порядок сад, все, что было завершено вечером, оказывалось в еще более запущенном виде с утра. Мать не могла объяснить этого феномена, и предпочла просто смириться. Тем более, на отвоеванном участке земли, на котором женщина разбила огородик, выросал необычайно богатый урожай, причем без особых усилий со стороны хозяйки и ее дочери.

Пока Лазарь занимался изучением редких трактатов, Мирра была предоставлена сама себе. Поскольку литература из библиотеки казалась девочке довольно скучной, малышка, чтобы не сидеть в пыльном помещении, гуляла по саду. Заросшие тропы выводили ее то к пруду с теплой водой, то к качелям, то к дереву с вкусными спелыми плодами, то в иное интересное место, но никогда к воротам, за которыми некогда встретился Лазарь. Замок будто опасался того, что его единственная оставшаяся хозяйка может уйти за его пределы и более не вернуться.

С таким укладом жизни, Мирра вскоре превратилась в еще большую дикарку, чем была. Ее опрятная прежде одежда порядком истрепалась, руки и ноги запестрели ссадинами, а светло-русые кудряшки местами сбились в плотные колтуны. И неизвестно еще, к чему бы все это привело далее, если бы в кладовой вдруг не закончились все припасы, а на огороде не сгнили овощи.

Не найдя ничего съестного к моменту приближения обеда, Лазарь очнулся от своих трудов и ученых изысканий, и, наконец, посмотрел на мир несколько отрезвленными глазами. Старику стало невероятно стыдно. Конечно, малолетний ребенок, на которого он по рассеян-

ности оставил все бытовые вопросы, не смог с ними справиться в одиночку. Ученый привык, что в Центральном университете Империи имелось довольно много obsługi: одни закупали продовольствие, другие готовили еду, третьи следили за порядком, за чистоту отвечали пылевиками, мусороверстками и мыльниками, которых в этой части света отродясь не водилось.

Лазарь с виноватыми ахами-вздохами нашел корзину побольше и, повесив ее на плечи, предложил Мирре прогуляться за провиантом в ближайшее поселение, которое он заприметил вдалеке, еще шагая некогда по дороге, до того, как его перехватила девочка со своей просьбой помочь ее матери. Малышка удивилась, но посмотреть на других людей показалось ей невероятно заманчивым. Как ни странно, в сопровождении старика, оказалось довольно просто найти дорогу к большим воротам.

Поселение оказалось разбито прямо под горой, на которой возвышался замок, хотя, уже находясь внизу, Мирра не увидела каменных стен и крепких резных ворот, только могучий старый лес. Ее дома, будто и не было. Не зная точно, что он там есть, ни за что нельзя было заподозрить его существование. Наверное, это немного проясняло отсутствие гостей в замке.

В поселении жили разные люди: старые, молодые, маленькие, богатые и бедные. По мнению Мирры, их было великое множество, хотя Лазарь возразил, что домов не больше полусотни, значит, численность жителей не дотягивает до маленького имперского городка. Девочке, прожившей затворницей до шести лет, даже это количество казалось чрезвычайно большим. Она исподтишка рассматривала каждого встречного, а особенно вытаращила глаза на вихрастого мальчишку, показавшего ей язык. Но, надо признать, никто не обратил особого внимания на вновь прибывших, подумаешь, девочка-замарашка в сопровождении старика в балахоне.

Для начала Лазарь посетил местный продовольственный рынок. Бойкие торговки всюю рекламировали свой товар, но ученый прошел к горделиво стоящей в стороне особе, на лотке которой специально отобранная снедь лежала ровными кучками и, казалось, кричала сама за себя. У женщины старик набрал разного рода товары, расплатившись звонкими монетами и переливающимися на свету ровными квадратиками, которые он называл сигментами. Мирре было невдомек, откуда у него взялись деньги. Но платой лоточница оказалась вполне довольна. У нее же Лазарь спросил, где можно приобрести подходящую для девочки и него одежду. Тогда женщина самолично провела своих покупателей в небольшую лавку, где, по-видимому, трудился ее муж. Тот сноровисто обмерил малышку и старика, а потом выложил перед ними разнообразные вещи. Какие-то старик отобрал без особых раздумий (это касалось мужских рубаш и штанов), какие-то долго и придирчиво разглядывал, периодически кидая быстрые взгляды на Мирру. Наконец, гардероб приобрели и ей, при чем, таких красивых вещей не было у нее никогда, мать шила платья и юбки сама, а иной раз и просто переделывала вещи, найденные в многочисленных сундуках замка. Девочка, восхищенно замерев наблюдала, как проворные руки торговца упаковывают все в холщовые сумки.

– Как мы это все унесем? – поинтересовалась малышка шепотом.

– Сейчас купим молуха и повозку, – так же тихо ответил Лазарь, потом в его руках опять словно из воздуха появились сигменты, которыми он и рассчитался.

– У нас еще остались на это деньги?

– Остались, – твердо произнес старик.

Он договорился с торговцем, чтобы тот постерег корзину и тюки с вещами, пока ученый и малышка не вернутся. А потом довольно уверенно повел Мирру на площадь, где несколько пронырливого вида молодцев продавали флегматичных молухов и прочую домашнюю живность.

Доброго вида животное привлекло внимание девочки. У него были большие печальные глаза с темными длинными ресницами и кудрявая шелковистая шерсть угольно-черного окраса. Один длинный прямой перламутровый рог рос посреди лба, два других закручивались над ушами. Толстый хвост висел вниз и заканчивался пушистой округлой кисточкой.

– Это кто? – поинтересовалась Мирра у Лазаря.

– Волуша, – несколько удивленно отозвался тот.

– А что у нее такое круглое между ног?

– Вымя, конечно, – ученый взял девочку за руку и подвел поближе к животному. – Там скапливается воловок.

Воловок малышка пробовала, мать зачастую приносила его из своих путешествий. Густая сладкая жидкость разливалась в животе теплом и дарила долгое насыщение. Но саму волушу Мирра увидела впервые.

– У нас хватит денег, чтобы купить ее?

– Боюсь, нет. Тогда нам придется тащить все покупки на себе, подниматься в гору и пробираться по зарослям.

Девочка огорченно вздохнула. Печальные глаза животного встретились с ее глазами, и на миг сиротке показалось, что волуша поняла их разговор, что она готова даже понести на своей спине их груз, лишь бы не стоять посреди раскаленной площади. Потому что сегодня был последний день ярмарки. Если никто не купит животину, то прямая дорога ей на бойню.

Мирра задергала Лазаря за руку:

– Пусть! Я понесу корзину. А на спину волуше положим тюки. Давай купим!

Горячность просьбы растрогала старика. Он выложил последние сигменты в руку пронырливого торговца. Волуша благодарно рыкнула басистым голосом и легонько боднула боковым рогом девочку. Та только засмеялась в ответ.

Потом Лазарь и Мирра вернулись за оставленными вещами и пустились в обратный путь. Перевесив через спину волуши тюки с вещами, они тащили сами большую тяжелую корзину, взявшись за ее ручки с двух сторон. Дорога круто уходила вверх, но усталости не чувствовалось. Наоборот, душевное воодушевление подстегивало, и скоро впереди показались ворота в замок. Навьюченная волуша при виде их испуганно загудела и попятилась назад. Животное успокоилось только тогда, когда Мирра схватилась за его передний рог и потянула за собой.

С этих самых пор на рынок девочка и старик выбирались раза три за сезон, затаривались на полную: съестным, необходимыми вещами, однажды прикупили нескольких несушек для свежих яиц – в обмен на золотые украшения, которых оказалось немало в сундуках в замке. Торговки считали Мирру и Лазаря родственниками: может внучкой и дедом, может отцом и поздней дочерью, может дядюшкой и племянницей – во всяком случае, относились те друг к другу тепло и доверительно, что было заметно даже не вооруженным взглядом. Общение с ними находили приятным и необременительным, обсчитать не норовили. Тем более, что девочка однажды обмолвилась, что она дочь лекарицы, в недавнем прошлом, изгнавшем из поселения страшный мор. Хотя способностей матери малышка не проявляла, к ней присматривались и разговаривали уважительно, несмотря на возраст. Старик же казался безобидным чудачком, все расспрашивал о местных сказках о драконах. А, самое главное, не торговался о цене за товар.

В один из таких походов вниз из замка к Мирре и Лазарю прибился пес, огромный, с густой свалывшейся шерстью неопределенного цвета и мощными сильными лапами. Каждый клык животного был размером с мизинец старика. Пес огрызался на каждого встречного, но девочку и ученого почему-то облюбовал, доверчиво поглядывая на них светло-голубыми глазами и топая по следам. Прогонять от себя пса люди не стали. У ворот к замку тот так же, как и волуша зарычал и залезгал зубами. Шерсть на холке животного вздыбилась, когти царапали дорогу. Однако, Мирра довольно легко успокоила и его, прошептав ему в мохнатое ухо что-то типа: "Тихо, Гром" – и легонько похлопав по большелобой голове.

Лазарь удивленно понаблюдал за этими манипуляциями. Потом пожал плечами, мол, умеет девочка управляться со зверьем, чего в жизни не бывает. А что имя дала псу, так это даже и к лучшему, пусть привыкает животное слушаться.

Опасаясь вновь запустить худо-бедно налаживающийся быт, ученый старался придерживаться определенного распорядка: с утра до обеда он занимался своей излюбленной наукой, а после обеда – учил понемногу девочку и следил за хозяйством.

Правда, повар из магистра был никакой, поэтому Мирра довольно быстро научилась готовить, пусть простую, но хотя бы съедобную пищу. Иногда, разводя огонь в очаге, девочка замечала, как на кончиках ее пальцев рождаются маленькие алые искорки, но Лазарю об этом не признавалась. Он и так, однажды обратив внимание на то, что малышка с легкостью угадывает его мысли, принялся учить ее магическому искусству. Это было непростым занятием. На правильное составление заклинания уходили часы, а то и дни. И все это только для того, чтобы, например, вырастить в саду редкий цветок, который вял уже через сутки, или чтобы очистить воду в помойном ведре, которую все – равно никто бы не использовал, как питьевую.

Поэтому Мирра с большей охотой занималась историей Империи, грамоте, этикету. Познакомилась с легендами, повествующими о создании мира, в которых главную роль играли Жизнеродящая и Мракнесущий. Или делала вид, что весьма заинтересована любимой литературой Лазаря. В ней все страницы были полны драконами, их житием-бытием, язык уставал от бесконечных скрежещущих звуков и неудобоваримых имён. Девочка искренне удивлялась: неужели нельзя было писать проще, не этим высокопарным слогом, не с этим сухим перечислением: родился – бился – добился – разбился? Просто какое-то пособие для проверки нервов, дикции и эстетического вкуса.

«Род Великого Дракона Одрагона существовал с незапамятных времен. Тогда молнии ежечасно полыхали в небе, озаряя игрища гигантских крылатых. Тогда волны омывали берега, опаленные огненным дыханием. Тогда солнце скрывалось, смущаясь величия грандиозных созданий.

Одрагон в схватке победил могучего Андр-Шира, хотя тот был мудрее и старше, и по закону поединков, забрал во владение принадлежавшие старейшему замок, земли и живущих на ней краснокровных. Одрагон породил сыновей Одражара, Одмарана и Одиन्द्रамбра. Это были сильные драконы, увеличившие казну и доблесть своего отца, но на их жизни не выпало великих подвигов. Однако, Одражар, завоевав соседствующие надель, в свою очередь породил Ражардона и Ражимандра, которые в честном поединке завоевали себе право на свои замки и свою землю...» – Мирра с показным негодованием захлопывала толстый талмуд, над которым от резкого хлопка взвивалось в воздух густое облачко пыли.

– Они никак не могли назваться попроще? – сетовала девочка.

Лазарь улыбался и молчал, спустив кругляши очков на кончик носа.

– И везде упоминаются одни мужчины! Как будто в роду драконьем только отец был ответственен за продолжение рода. А драконицы?.. Вот вы слышали о дракониках? Или драконшах? Слова-то нет обозначающего, не то, что существа! Где говорится пусть не о подвигах и деяниях, а хотя бы внешнем облике, да, просто о существовании как таковом?

И она громко и с нарочитым надрывом в голосе зачитывала:

«Это было четырехтонное создание, с красивой рогатой головой, огромными кожистыми крыльями, мощным хвостом, покрытое радужными роговыми пластинами, которые играли в свете вспышек молний...» – описание дракона Игартарха.

«Его крылья затеняли полнеба, когда он летел. Его глаза излучали великую силу, когда он смотрел прямо на вас. Его когти были способны превратить в щепы вековые скалы...» – весьма скромно об основателе драконьего рода Мамбрдогов.

Старик кивал головой и пожимал плечами, что распаляло Мирру еще больше:

– А драконица? Как она должна выглядеть? Ну, не как крокодилица же с крылышками! Если брать для примера птиц, предположим, петухов и куриц, то, наверное, значительно бледнее мужской особи. Хотя в мире животных – птичий закон неприменим. Там самочки зачастую ничем не отличаются от самцов, кроме, размера. В сообществе людей вообще всегда дей-

ствовало правило иного рода: тут мужчина должен быть не столько привлекательным, сколько способным прокормить ту самую красивую, которая некогда имела наглость навязаться на его голову.

Магистр уже откровенно смеялся от умозаключений своей юной соседки.

– Не бери в голову, дитя, это просто домыслы безграмотных писак, их опусы весьма далеки от правды и псевдонаучны, – отвечал Лазарь, совершенно забывая, что сам же эти книги и изучал почти все свою сознательную жизнь.

Старик буквально прикусывал себе язык, одержимый желанием напомнить Мирре почившую матушку. Лазарь не мог подтвердить свои подозрения, но свято верил в то, что Клотта Эраджаль была одной из крылатого племени, а девочку просто удочерила, потому, как у Мирры не нашлось до сего момента ни единого признака принадлежности к этому роду. Она была худощавой, низкорослой, на веснушчатой мордашке выделялись большие глаза ярко-зелёного цвета, несколько широковатый рот норовил растянуться в улыбке, а волнистые русые волосы, сколько ни прибирай, торчали в разные стороны. Драконицы же рождались темноволосыми, смуглыми, с резковатыми чертами лица, отличались высоким ростом и хорошим крепким телосложением, редко улыбались и вообще были малоразговорчивыми. При приближении грозы становились беспокойными и могли даже сменить облик, взмывая в небеса крылатыми бестиями.

Мужчина совершенно упускал из виду, что способности Мирры намного превышали способности детей ее возраста, основами магии она овладевала довольно быстро и поэтому с некоторой ленцой, да и вообще, к драконьей истории с некоторых пор относилась с предвзятостью непосредственного участника. Например, девочку заинтересовал тот факт, что в Империи нет отдельного королевства, где крылатые жили бы отдельной популяцией. Собственно говоря, они селились везде, где покажется им достаточно уютно. А большие расстояния никогда не являлись для них проблемой.

Что человеческий облик был для драконов таким же родным, как и облик крылатой рептилии – тоже показалось Мирре довольно интересным. Хотя не было ни одной книги, где говорилось бы о том, в обличье кого происходит рождение маленького дракона и его взросление. Лазарь считал, что изначальный облик должен был хоть как-то подсказывать принадлежность к роду. Девочка относилась к этому утверждению скептически. Но вслух свои мысли не высказывала.

Кем была Клотта и чего она ждала от дочери – Мирра сообразила, когда, катаясь на качелях, нечаянно соскользнула с сиденья, но не зарылась носом в траву, а на несколько мгновений, вполне достаточных, чтобы избежать травмы, зависла в воздухе. При этом кожа на руках Мирры зачесалась и будто растрескалась, покрываясь мелкими чешуйками, подобными тем, на которые распалась мать, а лопатки вдруг увеличились в размерах. Изменения моментально исчезли, едва девочка оказалась на ногах, на некотором расстоянии от качелей. Она застыла, обдумывая случившееся, сопоставила все сведения, почерпнутые от Лазаря и из предложенных им книг, и сделала единственно-напрашивающийся вывод:

– Я – дракон? И моя мать не знала этого наверняка?

Точного ответа получить было не у кого, ибо матери не было уже шесть лет. А становиться предметом изучения для Лазаря не хотелось, он и так с Мирры пылинки сдувал, не на шутку прикипев к ней душой. Но, беря в расчет то, сколько литературы по вопросам драконоведения перелопатил ученый, постаралась все-таки выудить у него некоторые сведения.

– Лазарь, – как-то ошипывая птицу для обеда, завела издалека разговор девочка, – скажи, а могло ли быть так, чтобы драконица не знала точно, является ли ее ребенок драконом или нет?

– Дитя, – отозвался ученый, покрывая бисеринками букв листы собственной книги, – женщины любого клана – существа достаточно загадочные. Чтобы изучить их досконально,

потребовалось бы ни одно столетие, и ни одно поколение. А пока труд был бы завершен до логического конца, его пришлось начинать писать заново, потому что более переменчивого существа – не существует.

Признаться, Мирра не поняла его ответа. Либо ее пожилой друг просто таким образом ушел от сложного ответа, либо просто не знал, что отвечать.

– Но, если предположить, что ребенок был рожден не от дракона? – не отставала она.

– Ну... – старик смешно нахмурил брови и подмигнул одним глазом. – История знает немало примеров, когда спасенная принцесса проливала горькие слезы по своему гонителю, рассказывала о зарождающихся обоюдных нежных чувствах. Однако, тебя ведь волнует совсем иной случай? Я, признаться, не слышал, чтобы драконицы воровали принцев, – он улыбался во весь рот.

– Я не о воровстве говорю, – девочка немного обиделась. – Человеческий мужчина мог быть отцом ребенка драконицы? Ведь не яйца же она откладывает?

– Нет, не яйца, – Лазарь впился несколько недоуменным взглядом в вопрошающую и покачал головой, а потом признался шепотом: – Я не знаю, если честно. Живых дракониц я встречал только на страницах книжек.

Мирра выпалила не задумываясь:

– А я?

Он спустил на нос очки и скептически оглядел девочку:

– Но при чем здесь ты?

– Да, конечно, совсем ни при чем, – она ловким движением выхватила из очага жаркое, а потом потушила огонь водой из кувшина.

Во все стороны полетели искры, кухня наполнилась паром, пришлось открывать окна. Пока Лазарь пытался вызвать небольшой сквознячок, Мирра незаметно утерла слезы, размазывая по лицу сажу. Девочке хотелось укусить Лазаря, заставить его посмотреть по-другому на свою хозяйшку. Но это ведь было бесполезно. Чудаковатый старик жил в своих научных трактатах, и забывал заданные Миррой вопросы, продолжая считать ее просто забавной малышкой, некогда предложившей приют бедному страннику.

Когда драконице едва минуло четырнадцать, ученый заболел. Глупо простыл, заснув над манускриптами в неотапливаемом помещении. Несколько дней магистр провалялся в жесткой горячке, и, когда Мирра, уже испробовав все подручные средства, попытавшись полечить Лазаря наложением рук и силой своих искр и убедившись, что это не действует, решила сходить в ближайшее село за лекарем, позвал ее к себе и заставил сесть на кровать.

– Дитя, – молвил старик глухим шепотом, – поздно, время, отпущенное мне – закончилось. Я совершил много открытий. А самого главного – не успел. Ты – особенная девочка. Но секрет твоей необычности оказался за пределами моего понимания. Я бы не удивился, если бы ты оказалась кем-то другим, а не тем, кем кажешься... Когда-то давно у меня был замечательный предмет – магическое зеркало. Не подари я его по добросердечию одному своему ученику, который потом не оправдал моих надежд, мне бы удалось постичь твою природу в полной мере.

– Ты и без него знал меня лучше всех, Лазарь! Не оставляй меня! – она бережно взяла его за руку и поцеловала. – Мне не к кому обратиться. Никому в этом мире нет до меня дела.

– Я всегда подозревал, что в твоём рождении присутствовала какая-то тайна. Думаю, раскрыть ее может только твой отец, – по щеке Лазаря покатилась горячая слеза. – На пороге вечности дороги прошлого и будущего оказываются едиными. И на одной из них я вижу печального путника в сером плаще. Уже много лет он находится в поиске, он исходил сотни дорог, и обойдет еще столько, прежде чем достигнет твоего порога, – магистр коснулся пальцем перстня, висевшего на шее Мирры. – Это его вещь. Твой отец должен признать его. Мне кажется, ваша встреча близка. Не отвергай его, – старик сильно закашлялся. – А я... Не оставляю... Тебя...

С этими словами Лазарь умер. Мирра сначала принялась плакать, потом попыталась согреть своим дыханием его остывающие руки, но вдруг из ее горла вырвался мощный стужок пламени, моментально превративший останки ученого и кровать, на которой он лежал, в дымящиеся головешки. Девочка поднесла было со страху ладони к лицу, но увидела лишь когтистые лапы, покрытые блестящей плотной чешуей. Мирра выскочила из комнаты и, непривычно громко топая по пустынным коридорам, помчалась в столовую, где висело на стене единственное зеркало. Увиденное поразило ее воображение. Несмотря на то, что осознание себя ею осталось прежним, ничего в отразившемся облике не напоминало ее былую. Она стала настоящим драконом: с мощными крыльями, лапами, хвостом. И, как девочка ни старалась, превратиться обратно не удавалось. Это немного испугало её. Мирра знала, как жить в облике человеческом, а что делать в этом? И не у кого оказалось теперь спросить. Девочка не могла вспомнить, происходило ли что-то аналогичное с матерью. Казалось, что она всегда была на виду, полностью владела собой. И, как некогда Мирра сказала Лазарю, Клотта Эраджаль никогда не представала перед ней в ином облике.

В некоторых книгах Лазаря говорилось, что перевоплощение происходит лишь во время грозы. Однако погода стояла необычайно тихая, небо сияло голубизной, а из легких облаков нельзя было выжать ни капли.

Другие авторы утверждали, что смену облика провоцирует опасность. Но Мирре ничего не угрожало, скорее она сама теперь представляла угрозу тем, что совершенно не управляла своими способностями.

Третьи, и в их числе был и Лазарь, считали, что обе сущности сменяются исключительно только по воле хозяина, не требуют особой подготовки или состояния духа. И эта теория так же не выдерживала проверки. Видимо, ни один из магистров, изучающих крылатое племя, сам не принадлежал к драконьему роду.

Мирра выбралась во двор, едва не снеся полстены. В помещении не хватало ни воздуха, ни места. Новые размеры доставляли сплошные неудобства и грозили перерасти в большую проблему. Если перевоплощения будут происходить бесконтрольно, надо будет избегать маленьких пространств, типа кладовки, расширять дверные проёмы и укреплять мебель.

А самое главное, сторониться людей. Конечно, случайных гостей в замке до сих пор не было, и это в, силу сложившихся обстоятельств, оказывалось огромным плюсом. Но мало ли где Мирру могла застать смена облика. Быть драконом оказалось пока довольно проблематично.

Девочка прислушалась к своим внутренним ощущениям. Невероятно обострился слух. Она могла точно сказать, где пищат голодные птенцы, где веселятся дети, и о чем ворчит жена пьяного сапожника, хотя все эти звуки были довольно далеко от замка. Какофония терзала уши и напрягала мозги. По дороге за лесом шагал путник, он едва поднимал ноги на камнях, значит либо устал, либо – стар. На рынке торговка весьма настойчиво зазывала покупателей на свой товар, значит на самом деле он не первой свежести, и надо побыстрее продать его. В поселении плакальщица завывала по чьему-то почившему мужу, а новоиспеченная вдова и несколько сыновей тем временем с пеной у рта делили причитающееся наследство. Мирра тряхнула головой, пытаясь хоть как-то справиться с непривычным ощущением. Теперь можно было с уверенностью сказать, что вблизи не наблюдается никого, кто мог нечаянно испугаться огромной рептилии, замершей среди развалин, потому что близкие звуки показались бы, наверное, чем-то громоподобным.

Девочка опасливо двинулась по двору. Теперь он казался едва ли не в пять раз меньше. Длинный хвост неприятно волочился по стертым камням, и новоявленная драконица немного приподняла его, что едва не стоило ей потере равновесия. Двигаться в новом теле – надо было учиться заново. Иной центр тяжести, большой рост делали из Мирры просто неуклюжую громадину, а не завидный предмет для изучения драконоведов.

Пес, почуявший хозяйку, выскочил было из конуры, а потом юркнул обратно, пописывая, будто несмышленный детеныш. Глаза Грома сверкали из-за укрытия виновато и неуверенно.

Рогатая волуша нудно и надрывно завывала. Из-под своего навеса она не могла видеть, в кого превратилась Мирра. Но, видимо, чувствовала непривычный запах.

– Тихо-тихо, – как можно ласковей рыкнула драконица, это была первая проба голоса.

Недаром все летописцы применяли такие выражения, как "гром среди ясного неба", "рокот тысячи падающих камней", "песня гор", "стон Мракнесущего". Только подобным образом казалось возможным описать эти звуки. Человеческие слова перекатывались по гортани, как песчинки, и тоже будто уменьшились по значимости. Девочка не могла с уверенностью утверждать, но в ее голове вдруг пронесся ураганом какой-то древний язык, ломающий восприятие и смыслы. На нем, наверное, когда-то говорили великие крылатые между собой, еще на заре создания Империи. Мирре он знаком не был, она не смогла бы вычленить отдельных слов, перевести фразу, но сердце узнало его, вспомнило, как вспоминает вдруг взрослый колыбельную матери, спетую во младенчестве.

Все звуки затихли: Гром перестал скулить, волуша выть. Казалось, что даже случайные птицы замерли в своих гнездах, боясь ненароком привлечь к себе внимание. Чувство страха, испытываемое по отношению к ней, не понравилось девочке. Она привыкла, что ей доверяют. А тут, даже те, кто прожил с ней бок о бок несколько лет – не признали ее в этом кожистом пластинчатом теле!

Мирра вздохнула, и из ноздрей показался легкий дымок. Спать по случайности свой привычный мирок совершенно не хотелось. Надо было уйти отсюда, только, как и куда? В этом теле не проберешься по зарослям сада. Разве что в небе сейчас достаточно места, чтобы вместить непокорную драконью сущность.

Как правильно взлетать драконица понятия не имела. В книгах как-то самой собой предполагалось, что все драконы умеют делать это изначально. Очередной миф, развеянный опытным путем. Пришлось вспомнить, как поднимаются с земли птицы, особенно немаленькие.

Девочка медленно развернула крылья. Они слегка зашуршали роговыми пластинками. Мышцы напряглись и поймали сильный порыв ветра. Сделав несколько быстрых шагов для разбега, Мирра криво и неуклюже поднялась в воздух, едва не зацепив собственную крышу. Первый же взмах крыльями едва не заставил уйти в штопор, но драконица нашла в себе силы не запаниковать, и выровнялась. Развернув крылья до боли, распласталась на потоке воздуха, молясь про себя Жизнеродящей, чтобы он не вынес ее куда-нибудь в тартарары. Сердце бешено отсчитывало мгновения под небесами. Глаза слезились от встречного ветра, мешая разглядеть хоть что-нибудь внизу. Ветер щекотал подмышки и задувал в уши. Не было ни восторга, ни удивления. Невероятная усталость и жуткий страх сковывали все тело. Мирра боялась, что в любой момент может рухнуть с этой высоты и превратиться в кожаный мешок с костями – то-то будет потеха для местной ребятни. Надо было как-то снижаться. Немного вытянувшись вперед и развернув крылья, драконица начала спуск, надеясь, что не окажется где-то в болоте, или посреди людной площади.

Жизнеродящая не подвела: девочка опустилась на поляну за собственным садом, только слегка отбив лапы и ободрав несколько чешуек. Зрение и звуки медленно возвращались. Неподалеку подвывала волуша, жалуясь на переполненное вымя. Захлебываясь, лаял пес. С пронзительным свистом носились в ветвях встревоженные птицы. Возвращение громоздкой рептилии, наверное, оказалось для всех мохнатых и пернатых обитателей окрестностей замка – не слишком приятным сюрпризом. Но больше идти драконице было некуда.

Новые впечатления не просто утомили Мирру, она жутко проголодалась. Однако, девочка не могла представить, как ей теперь готовить еду этими неловкими лапами с длинными когтями. Богатое воображение угодливо подсунуло картинку свежееосвежеванной тушки, еще

истекающей теплой кровью, и она вызвала тошноту. Есть сырое мясо – это совсем край, лучше умереть от голода!

Драконница продралась сквозь заросли сада и распласталась в изнеможении на площади перед своим жилищем, заснув с недостойно бурчащим животом.

Проснулась девочка глубокой ночью. Прямо на нее смотрела с небес луна. Перемигивающиеся между собой звезды рисовали привычные созвездия. Было безветренно и тихо. Под боком пристроился верный пес. У самого носа на земле прихорашивалась... МЫШЬ!!!!

Мирра проворно вскочила на ноги. Грызун неторопливо умыл мордочку, особо не проявляя признаков беспокойства, а потом юркнул в норку. Пес мельком глянул на хозяйку и перелег поудобнее, вытянув вперед мощные лапы. Волуша дремала под навесом, так и не дождавшись, пока ее подоят. Ни одно из животных больше не выказывало страха. Что предполагало один из двух вариантов: либо они привыкли к весьма своеобразному виду своей хозяйки, либо она снова выглядит, как обычно.

Девочка внимательно оглядела себя. Ноги уже были, как ноги, а не как лапы, руки, как руки, между лопаток не топорщились крылья, кожа была достаточно гладкой, коса на ощупь немного растрепалась, но это и не мудрено, после сна прямо посреди собственного двора.

Стараясь больше не вспоминать более чем шокирующие впечатления от первого превращения, Мирра побрела в кухню, едва переставляя родные конечности. Все мышцы болели, как никогда прежде. Каждую кость внутри тела будто тянуло и выкручивало. В венах полыхал пожар. Горло саднило, голова казалась тяжелой бездонной бочкой. Живот сводило так, что его бурчание, наверное, звучало громче, чем рык дракона.

Добравшись до кухни, девочка отхватила ножом ломоть хлеба и, макая его в загустевший воловок, начала утолять голод. Простая пища показалась нектаром, дарованный Жизнородящей. Силы потихоньку восстанавливались, и вместе с ними приходило осознание того, что больше ничего не будет как раньше, когда Мирра только догадывалась, что она не человек, но никогда не надеялась на подобный размах. Жаль, что нет ни матери, ни Лазаря, способных порадоваться, оценить, подсказать. Еще никогда прежде девочка не ощущала себя одновременно такой слабой и такой сильной одновременно.

Это было началом нового этапа в жизни драконницы.

2

Несмотря на усталость, Мирра прошла в основательно пропахшую гарью комнату, где некогда обитал Лазарь. Там испуганные огневики жались на нетронутых огнем участках и давали слабый свет. Горько оплакивая магистра, девочка аккуратно собрала пепел в изящный кувшин и плотно запечатала воском. Еще одна ниша в коридоре пополнилась печальным экспонатом, невольно заставляя задуматься о быстротечности бытия. Смерть уже дважды посетила этот замок, оба раза не оставив после себя тела, которое можно было бы опустить в землю, завернув в погребальный саван.

Окинув взглядом своеобразное миниатюрное кладбище, Мирра бессильно опустилась на колени. И мать, и Лазарь покинули этот мир неожиданно, оставив ее в переломный момент жизни, не успев завершить каких-то дел, не исполнив до конца свои мечты и чаяния. Мать ушла без напутствий, так и не убедившись до конца, что ее дочь – дракон, Лазарь обещал не оставлять и быть рядом, но его догадки относительно сущности девочки так же не нашли подтверждения при его жизни. Однако оба находились сейчас в дали недостижимой. Они не знали друг друга. Были разными по сути. Но каждый вложил толику себя в Мирру. И встретившись в чертогах Мракнесущего, они наверняка найдут общие темы для разговора.

Девочка поднялась с пола и медленно побрела по коридору. В замке стояла тишина. Недавно заронившееся одиночество постепенно прорастало мощными корнями в душе. Хотелось поделиться хоть с кем-то своими мыслями. Впору было начать говорить вслух, но Мирра не решилась. Лучше торговка на базаре, или случайный прохожий на дороге. Но не звук собственноручно голоса, разбивающий на хрупкие хрустальные осколки надежду на нормальную жизнь и счастье.

В течение нескольких дней девочка пробовала поговорить с псом, волушей. Они косились на нее мягкими карими и голубыми глазами, были внимательными слушателями и немного облегчили боль. Но Мирре не хватило разумного отклика.

Девочка обратилась к двум хорошо сохранившимся портретам, висевшим на темных стенах. Она всегда считала, что это ее предки, хотя никогда не находила никакого семейного сходства. На первом был изображен привлекательный мужчина. Его светлые волосы стягивал тонкий золотой обод, синие глаза смотрели уверенно и спокойно, на узких губах замерла улыбка, лицо казалось бы мягким, если бы не волевой и даже несколько грубоватый чисто выбритый подбородок с ямочкой. Одежда незнакомца казалась старомодной и изобиловала ненужными деталями роскоши. Впрочем, портрет был парадным, и, наверняка, в быту мужчина одевался совсем иначе. На второй картине художник запечатлел юную особу. Казалось, что ее наспех облачили в это пышное платье и тут же принялись рисовать. Нехватку времени выдавала несколько растрепанная прическа девушки: рыжие кудри были заплетены довольно небрежно. Но зеленые глаза неизвестной сияли невероятным счастьем, на щеках кокетливо играли ямочки, а пухлые губы растягивались в широкую улыбку. Художнику надо было изрядно постараться, чтобы так точно передать характер этой непоседы. Почему-то Мирре казалось, что эта девушка была способна на безумные и неожиданные поступки, что она обладала веселым и взбалмошным нравом. Оба портрета писались примерно в одно время, и, похоже, одной рукой. Девочке нравилось думать, что, возможно мужчина и девушка – это ее какие-то прапрапрадедушка и прапрапрабабушка.

Мирра поговорила и с ними. Но они мало чем отличались от животных в плане ответных реплик: слушали душевные излияния отлично, а вот сами не могли выдать из себя ни слова, да, и принесло бы это пользу?

Девочка вспомнила про книги. Молчаливые друзья. Уж они-то точно были полны советами и откровениями. Однако перелистав несколько рукописей, почувствовала лишь раздражение. В черных закорючках жила чья-то посторонняя мысль, автор мог быть молодым или старым, красивым или безобразным, умным или не очень. Но сердце Мирры оставалось глухим и безутешным. Империя с ее пятнадцатью королевствами интересовала девочку в данный момент меньше всего. Каждый из жителей – казался обособленной планетой, со своими чаяниями и надеждами, печалью и радостями. Ни одна из орбит не пересекалась с орбитой жизни юной драконицы. Всем было наплевать на потерянное существо, по той простой причине, что никто ее даже и не находил. Верное драконье братство – кануло к Мракнесущему или являлось всего лишь плодом романтического воображения, потому как не существовало страны, где драконы жили бы сообща, правили мудро и справедливо, делились вековым опытом и готовы были бы принять под свое крыло новую соплеменницу.

Дойдя в своих размышлениях до какой-то весьма жирной точки, Мирра почувствовала такую тоску, что впору, казалось, ринуться головой вниз с единственной уцелевшей башенки замка. И это – на шестнадцатом году жизни! Надо было избавляться от депрессивного настроения, и чем радикальнее, тем лучше. Как хорошо было в детстве – сядешь на качели, раскачаешься, и все беды разлетаются от бьющего в лицо ветра. Впрочем, ничто не мешает попробовать этот способ и сейчас.

Девочка выбежала в сад, вскочила с ногами на потемневшее от времени сиденье, и крепко ухватилась руками за веревки, надеясь, что они выдержат. Раскачавшись буквально в несколько приседаний, Мирра испытала полузабытое чувство восторга и легкости. Старые качели скрипели, будто неумело напевая давно забытую песню. Ветер играл длинной юбкой и захватывал дыхание. Раскинув пошире руки...

Мирра взлетела. Потоки воздуха охладили кончики ушей. Мышцы крыльев ритмично двигались, неся тело вперед по воздуху. Шея и позвоночник выпрямились в одну линию и стрелой поднимались ввысь, к облакам. Второй полет был так же похож на первый, как сырое тесто на тающий во рту пирог.

Драконица почувствовала, как ее охватывает ни с чем несравнимое чувство. Все-таки, она умеет летать. Просто надо было захотеть этого, отринуть от себя боязнь, и поверить, что это большое тело может стать невесомым и грациозным.

Летала девочка до темноты. Носилась между облаками черной стремительной молнией, изредка взмахивая крыльями и издавая крики радости и наслаждения. Когда солнце растаяло за горизонтом, решила вернуться на землю. Опустившись прямо на маленькую прогалину между деревьями, распугала сов в саду, и тут же неожиданно для себя, по одному своему желанию, приняла человеческий облик. Это тоже оказалось довольно легко. Как дышать. На ней оказалась та же одежда, что была до полета. И волосы остались заплетенными в косу.

Мирра села, обхватив колени руками. Сжалась в комочек и замерла в этой неудобной на первый взгляд позе. Несмотря на открытые глаза девочка совсем не воспринимала окружающий мир, чему весьма способствовала полная темнота. Небо застила плотная пелена, воздух словно замер каплей застывшего янтаря.

Впрочем, это только так казалось Мирре, невольно вспоминаящей свои впечатления, прокручивающей внутри себя свои чувства. Потому что для всех остальных жителей этой части Империи звездочки подмигивали с неба, и луна светила прищуренным глазом. Рой насекомых бился вокруг в непонятной войне. Орали квакуши на лесном пруду. Грызуны мельтешили в густых зарослях. Жизнь кипела во всех своих проявлениях.

Какой-то тревожный крик вырвал Мирру из ее полусна. Драконья половина ее сущности ощерилась, а человеческая даже немного испугалась. Девочка мгновенно вскочила на ноги, озираясь по сторонам и прислушиваясь. Наконец, хлопанье крыльев, писк и клекот подсказали точное направление, где что-то произошло. Бросившись в ту сторону, Мирра едва не насту-

пила на змею, поспешно уползающую под гнилую корягу. Схватив толстую палку, драконица принялась бить по земле, абсолютно не задумываясь, что та могла цапнуть, но время было упущено.

Гадина подчистую разорила совиное гнездо. Разбитые яйца лежали в гнезде мертвыми осколками, над ними, плача в пернатом горе, носилась мать-сова. Именно ее крики привлекли внимание девочки.

– Что же ты дом свой прямо на земле построила? И не укрыла ничем? – беззлобно пожурела Мирра.

Поворошив рукой, выбросила скорлупу, хотела уже уходить, но пальцы наткнулись на что-то чуть теплое, округлое, закатившееся под веточки и перья, которыми было выстелено дно гнезда. Осторожно достала яйцо и положила на середину, чтобы его увидела обезумевшая мать. Надежды, что птица опустится высидывать – было, конечно, мало, но девочка сделала все, что могла, в этом случае. Она отступила на несколько шагов и затаилась в кустах. Сова, сделав несколько кругов, опустилась вниз. Кричать птица перестала, покрутила круглой головой, словно присматриваясь, а потом присела на яйцо.

Мирра кивнула сама себе и неслышно ускользнула. Ночная трагедия едва не смазала яркие впечатления от полета. Если бы не нашлось это единственное уцелевшее яйцо, девочке вряд ли бы так хорошо. Но теперь на душе было легко и спокойно. Мирра надеялась, что все-таки спасла одну маленькую жизнь. И до конца сезона в ночном небе будет летать еще одна мышьяная угроза. Что змея не вернется – можно было не сомневаться – эти твари не любили возвращаться на места своих проделок, особенно туда, где им угрожали.

До дома оставалось еще порядочное расстояние. Можно было обернуться драконом и добраться до своего замка за пару взмахов крыльями, но девочка предпочла прогуляться по тропинкам. Хищники ее не пугали, впрочем, как и недобрые люди: постоять за себя, в силу открывшихся способностей, она бы смогла. Усталость перебилась приятным осознанием совершенности доброго поступка. А происшествие с совой разбудило мысли о бренности сущего: как хрупка жизнь, как один случайный поступок может оказаться значимым, как все взаимосвязано в этом мире.

Пока Мирра, вся в своих мыслях, выбралась из леса на дорогу к замку, ее ноги и подол платья основательно промокли от росы. В воздухе заметно похолодало. Напитавшаяся влажной одеждой совершенно не грела, заставив пожалеть об опрометчивом решении о прогулке. Девочка была не в курсе, могут ли драконы заболеть простудой, но в памяти еще было свежо фатальное завершение болезни Лазаря. Глупо стать горсткой переливающейся чешуи именно тогда, когда начинаются открываться прелести двойственного существования.

Оборачиваться драконом сейчас было слишком опасно, мало ли, кого можно встретить. Хотя, конечно, тот, кто бродит по ночам, по сути, не болтлив. Но мало ли. Мирра обхватила руками предплечья и зашагала быстрее. Стиснув зубы, мысленно ругала себя за беспечность.

Звезды и луна скрылись за плотными облаками, заморосил дождь. Дорога, ведущая вверх, постепенно становилась скользкой. Комья размокшей земли налипли на подошвы и не способствовали быстрому передвижению.

Наверное, еще немного и девочка рискнула бы обернуться драконом. Но на перепутье у большого камня кто-то дрожал и клал зубы под тонким не по погоде и насквозь промокшим плащом. До Мирры доносились какие-то невнятные возгласы и всхлипы. Судя по ним, настроение у незнакомца было не очень. Видно, не одна девочка переоценила свои силы и возможности.

Она остановилась поодаль. Ворота были уже близко, уютный теплый очаг брезжил в сознании и манил. Но для того, чтобы погреться за стенами замка, надо было пройти мимо этого бродяги.

– Эй! – крикнула девочка, сделав голос ниже. – Ты кто?

– Флап, маг Новейшего Ордена Империи, – отозвался незнакомец тонким визгливым голосом и откинул плащ, открыв молоджавое худое лицо с козлиной бородкой и бегающими маленькими глазками. – А ты?

– Я – Мирра, – она не стала опускаться до ненужных подробностей. – И что ты тут делаешь, Флап?

– Хотел бы дойти до города, но заблудился. А тут дождь, – маг приподнялся, оказавшись ростом едва ли выше девочки, а уж телосложением и подавно субтильнее. – Я на завтрашнюю ярмарку. Слышала, может?

– О тебе? Нет, – девочка удивилась его самомнению о своей персоне.

– О ярмарке, – замахал руками Флап, захихикав почти девичьим смешком. – Я-то кто? Так средней руки обыватель. Торгую заклинаниями, свитками, книжки вот есть, для развлечения барышень, – он дрожал, потирая ладони.

– Если ты маг, почему не можешь согреться? – задала провокационный на ее взгляд вопрос драконица.

Но горе-путешественник не растерялся, только махнул рукой и скорчил кривую мину.

– По-твоему, если ты маг, то твои способности безграничны? У нас тоже есть, так сказать, свой лимит.

Он проговорил это так безнадежно, что не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что его способностей явно маловато для того, чтобы соорудить вокруг себя уютный шалаш, развести огонь. Сама Мирра подобных чудес воочию не наблюдала, но читала про них в сказках. Впрочем, Лазарь однажды обмолвился, что нельзя сотворить ничего просто так, из воздуха, для этого надо, как минимум, иметь под руками замещающий предмет подходящего размера. А во что можно превратить дорожный камень? Прибитую дождем пыль? И что бы ни находилось в узелке путника, этого тоже, явно, было недостаточно для сотворения какого-то крупного волшебства.

Мирре почему-то стало жаль этого недотепу, выбравшего не то время, и не то место, чтобы обогатиться. Другая бы, наверное, испугалась, встретиться ей на темной дороге кто-то непонятной наружности и таких же загадочных способностей, но не девочка-драконица.

– Я живу здесь неподалеку. Можешь переночевать у меня. Но предупреждаю, в случае чего, – она сделала красноречивую паузу, заметив скабрзную улыбку на физиономии Флапа, – могу и прибить.

– Да, заberi меня Мракнесущий! – побожился вмиг ставший серьезным маг, и поскакал через лужицы вслед за девочкой.

Она не оглядывалась на неожиданного гостя, но его возгласы при появлении ворот казались какими-то чрезмерно бурными, излишний восторг надоедал и действовал на нервы. И это при том, что гротескные развалины еще не показались.

– Заткнись, а, – слово вырвалось как-то само собой, и прозвучало едва слышно, но на Флапа подействовало, теперь до слуха доносилось только шарканье ног и сопение.

Лишь при виде замка недотепа не смог удержаться и громко крикнул от восхищения. Мирра оглянулась на него и кивком показала на дверь.

Очутившись в прихожей, Флап принялся озиаться и бестолково топтаться на одном месте. Он словно не решался пройти дальше.

– Что? – зевнув, поинтересовалась девочка. – Извини, особых удобств предложить не могу, что уж есть. Спать ляжешь на полу. Дам тебе тюфяк и одеяло, будет тепло и уютно.

– Да-да, этого вполне достаточно, – закивал гость, а потом шепнул: – А где Жизнеродящая?

Вопрос поразил Мирру. Вроде бы взрослый человек, а не знает, что Жизнеродящая везде и нигде одновременно. Но, видимо, мага интересовало что-то иное, и потому, не получив конкретного ответа он все не решался пройти, и мялся у порога. Наконец, драконица догада-

лась, что надо пришедшему, смутно вспомнив описанные в книжках приветственные ритуалы имперцев.

– Там, – девочка ткнула пальцем куда-то себе за спину, старательно пряча невольную улыбку.

Флап сначала пригляделся, прищуриваясь, потом, видимо, ничего не рассмотрев, но положившись на слово хозяйки, четырежды подобострастно поклонился в указанном направлении, и только после всех этих телодвижений перешагнул через накапавшую от плаща лужу. Не подскажи девочка снять мокрую одежду, маг сам бы это вряд ли догадался сделать. Он так и прошлепал до середины кухни, оставляя за собой грязные мокрые следы и ежась под ненадежной защитой своего плаща. После Флап все никак не мог никуда пристроить свернутые в тугой комок вещи, и в итоге, положил их рядом с собой на скамью.

Мирра тем временем достала хлеб, немного мяса, фруктов и миску свежайшего воловка. Этой еды ей самой хватило бы на пару дней, но гость выглядел жалко и казался не просто проголодавшимся, а весьма оголодавшим.

Девочке было любопытно посмотреть на то, как Флап ест. Это был весьма колоритный процесс, развлекший драконицу, она будто спектакль посмотрела. Лазарь приучил ее к аккуратности, Мирра умела пользоваться всеми столовыми приборами, имеющимися в наличии. А ее гость совсем не утруждал себя, скажем, вилкой. Все, что было ему нужно, он притягивал ко рту тонкой дланью, а потом громко разжевывал крепкими зубами. Салфеток маг не замечал, вытирая руки прямо об штаны, а губы об рукав. Напоследок Флап со вкусом облизал пальцы, и только потом откинулся от стола. Тощий маг управился с угощением за несколько минут и объевшимся не выглядел. Посидев немного, Флап понял, что добавка ему не светит, и печально вздохнул.

– Сытная у тебя житуха, как погляжу? – гость обвел кухню замка осоловевшим взглядом, попутно ковыряясь в зубах.

– Наверное, – согласилась Мирра, склонив голову набок.

– Только скучно, наверное? – задал он следующий вопрос.

Девочка только улыбнулась, как бы ни говоря, ни да, ни нет. Но эта неоднозначность вполне устроила гостя.

– Ты тут служанка?

Она не собиралась рассказывать о себе. Поэтому неопределенно пожала плечами и тряхнула головой.

– Влетит тебе от хозяев, – никак не мог уняться Флап. – Меня пригласила, накормила, спать постелила.

– У тебя же есть выбор, – девочка весьма наглядно указала пальцем на дверь.

Непогода за окном разыгралась еще сильнее. Ветер завывал в трубах, дождь хлестал по окнам тугими струями. Казалось, стало еще темнее и неудобнее, чем было буквально с час назад.

– Я лягу, пожалуй? – маг с озадаченным видом подобрал хлебом последние капли в миске и перебрался на расстеленный девочкой тюфяк, свои вещи гость разместил в непосредственной близости, словно опасаясь за их сохранность.

Это напрягло Мирру. Она, по его же словам, предложила ему кров, накормила, постелила постель, а доверия, получается, не заслужила. Все больше говорило не о ее непритязательном виде и качествах, а о самом Флапе: только тот, кто сомневается в самом себе и способен на обман – не может положиться на ближнего.

– Спокойной ночи! – пожелала девочка, нисколько не сомневаясь, что пока этот тип в замке, заснуть не сможет, причем не от страха, а какой-то неосознанной гадливости.

– Доброго сна! – отозвался Флап и буквально через минуту раскатисто захрапел.

Мирра понаблюдала за ним немного, а потом ушла к себе. Рулады гостя доносились даже сюда. Они не раздражали драконицу, просто доказывали, что не всякое живое существо рядом,

на первый взгляд вполне разумное, придется к душе и ко двору. Казалось бы, с магом можно поговорить. Разузнать поподробнее, почему ему нужно было точное направление нахождения в замке Жизнеродящей, либо какие-то главные новости Империи, либо что-то касающееся драконов. Но разговаривать с Флапом не хотелось. Тем более не возникало желания предложить ему постоянный кров, как было давно с Лазарем. Правда, ведь на тот момент девочка была намного младше...

Впрочем, два мага настолько разительно отличались друг от друга, что сравнивать их казалось просто кощунственным. Там, где один был мудр и щедр, другой казался глупым и жадным. Флап пробуждал в Мирре только негативные чувства.

Она всю ночь прислушивалась, не смыкая глаз. От пришедшего мага хотелось избавиться поскорее. Почему-то казалось, что от него стоит ждать одних только неприятностей. Хотя, пожалуй, он был слишком трусливым, чтобы нанести открытый удар. Скорее он сотворит что-то исподтишка, тайком, так чтобы никто и подумать на него не мог.

Дождь за окном постепенно прекратился, ветерок развеял тучи и стали видны звезды. Где-то вдалеке послышалось уханье сов. Воспоминание о спасении невылупившегося птенца помогло настроиться девочке на более благодушный лад. Она решила поменьше думать о том, что ей стоит ждать от пришедшего гостя. В конце концов, у нее вполне хватит сил, чтобы справиться с ним, в крайнем случае, одна смена ее облика что стоит.

Храп гостя прекратился лишь с рассветом. Мирра вышла из комнаты, но в кухне мага не застала. Ее гость куда-то направился, прихватив с собой все свои пожитки. Поскольку, из кухни вели три двери; в одну только что девочка вошла, вторая вела на улицу и была заперта на внутренний засов – не трудно было догадаться, что Флап двинулся в третью сторону, а именно, туда, где имелось несколько нетронутых разрухой комнат, в которых стояли сундуки, наполненные старинными вещами, утварью и украшениями. Девочка двинулась на поиски пропавшего, взяв с собой удобную для руки скалку.

Маг обнаружился в самом первом по коридору помещении. Его весьма заинтересовали портреты на стенах, но заинтересованность эта была довольно своеобразной: он пыталсяковырнуть самоцветы с тяжелых рам, вооружившись тонким ножичком, видимо, прихваченным со стола на кухне.

Мирра кашлянула. Этот тихий звук поверг Флапа в такой ужас, что колени мага Новейшего Ордена Империи подогнулись, а руки затряслись, как листья на шквалистом ветру. Гость повел себя, так, как девочка от него и ожидала, как мелкий жулик.

– Думаю, ты понял, что исчерпал крайнюю степень моего гостеприимства? – поинтересовалась она самым спокойным голосом, каким могла, мягко постукивая скалкой по своей ладони.

– Не подумай ничего такого, – попытался оправдаться Флап, – я просто хотел уходить, решил найти тебя и попрощаться.

– А заодно, конечно, прихватить что-нибудь на память обо мне?

– Нет-нет, – он так решительно завертел головой, что его жиденькие волосенки растрепались во все стороны. – Я только хотел поправить раму, она так опасно накренилась.

– Ага-ага, – Мирра кивнула и улыбнулась, мысленно гадая, как поведет себя этот трус, если она прямо сейчас покажет ему свой второй облик.

Маг, словно почувствовав ее намерения, вдруг упал на колени и принялся торопливо выкладывать прямо на пол из своего мешка какие-то свиточки, сверточки и книжечки карманного формата – все, что он так навязчиво берег от нее весь прошлый вечер. Ничего особо ценного на взгляд девочки здесь не было. Любой самоцвет на окладе картины стоил неизмеримо дороже.

– Я тут хочу поблагодарить за ночлег, – угодливым тоном пояснил свои действия Флап, мелкосуетливо потирая бородку. – Вот, прими в качестве платы, – он еще раз перерыл кучу

и протянул Мирре выбранное (как она подозревала то, что на взгляд гостя представляло наименьшую ценность на предстоящей ярмарке), – несколько новомодных романов, очень хвалят современные барышни. И заклинание на притягивание золота.

Надо признаться, в заклинаниях подобного рода Мирра совсем не нуждалась. В ее подвале хранилось такое многообразие этого добра, что, если расходовать понемногу, вполне хватило бы и до глубокой старости. Только драконица еще при Лазаре сложила все свитки под замок, потому как чувствовала некоторый подвох в большинстве из них. К примеру, заклинание, обещавшее наличие так называемого «вечного сигмента»: болтается денежка себе в кармане, потратить ее невозможно – девочка истолковывала как вызывание патологической жадности, когда несчастный обладатель готов умереть от голода, лишь бы не разменивать свое сокровище. В конце концов, ведь торговцы и маги в первую очередь стремились избавляться именно от волшебства, так или иначе связанного с деньгами и обогащением, хотя, казалось бы, могли использовать его на себе и жить припеваючи, ни в чем себе не отказывая.

Вот и Флап, оказавшийся на деле жуликом и вором, попытался всучить Мирре золотосное заклинание, подспудно предполагая его низкую стоимость. Книжки девочка взяла, а про свиток весьма доходчиво объяснила, что не собирается закончить свою жизнь под тяжестью золотых самородков, летящих на нее со всех сторон.

– Ну, тогда вот, – расстроенный маг схватил перевязанный красной ленточкой листок тонкой пергаментной бумаги, покрытой символами, и, косясь на скалку, сунул драконице. – Очень советую, обязательно пригодится! Это редкая вещь, можно сказать штучная, – он жадно проследил, как драконица принимает дары, не отказываясь, не благодаря в ответ и не предлагая за них хоть какую-то плату, потом покидал разбросанные вещи в мешок и, торопливо поднявшись на ноги, вернулся в кухню.

Помявшись у стола, словно в тщетной надежде, что его накормят завтраком, Флап натянул свой плащ, решительно отодвинул засов и вышел на улицу. К нему тотчас подскочил пес. Обнюхав гостя, рыкнул и повел мордой в сторону, словно предлагая уходить подобру-поздорову, пока дают.

Мирра, молча наблюдала, как ее гость с нарочитой бодрой деловитостью минует двор, потом ступает на тропинку и скрывается в зарослях сада. Потом тихонько скомандовала Грому: «Проводи» – чтобы точно быть уверенной, что проныра-маг не вернется обратно, сделав вид, что заплутал. Пес кинулся вслед Флапу с громким лаем, который через почти равные промежутки времени слышался очень долго, пока совсем не стих вдали. Теперь только оставалось надеяться, что дорогу сюда жулик больше не найдет, как и прочие случайные люди.

Когда возбужденный прогулкой и весьма довольный Гром вернулся во двор замка, Мирра убрала свое импровизированное оружие на место и села изучать полученные «дары».

В первой книге говорилось о драконе Вурджкагаре. Все по положенным канонам: от кого родился, с кем бился, кого породил, кому задолжал, от руки кого закончил существование. Нетленку написал признанный автор – драконовед. Его произведений было навалом в подвале замка: Лазарь чтиво подобного рода уважал, но не доверял. Поскольку литературные достоинства приобретения оставляли желать лучшего, девочка безжалостно выбросила его на растопку.

Вторая книга вызвала у Мирры обильное слюнотечение, потому что описывала пир Великих Крылатых. Писала эссе авторесса – как выяснилось по окончании повествования, плененная принцесса, проведенная в плену драконом ни много ни мало три года.

Писательница достаточно подробно расписывала кулинарные изыски своего угнетателя. Начиная от маленьких канапе с проперченными лягушачьими лапками, и до таких сложных блюд, как «Филе недобыченного единорога под соусом из абрикосовых косточек, ананасов и м...» дальнейших названий Мирра просто не поняла, но должно быть получилось вкусно.

Чтобы не терзать себя голодом дальше, драконица прихватила себе для перекуса пару яиц из-под несущки, ломоть хлеба и кувшин с воловком, а потом только раскрыла третью подаренную книгу.

К огорчению девочки, это был библиографический справочник имеющейся литературы по драконам, а также ученых, углубленно занимающихся данной проблемой. Быстро проглядев краткие описания, Мирра заглянула на букву "Л". К огромному удовольствию драконицы, там был и Лазарь.

«Лазарь – маг Первой Гильдии, куратор ордена Пятого Гребня. Занимается изучением Драконов Боевого уровня. Автор 25 книг о Великих Крылатых, восьми свитков заклинаний и четырех пособий для начинающих драконоведов. В поисках информации использует живое участие, Магическое Зеркало и опыт предшественников. Объездил многие земли. Участник пяти битв. Местонахождение в данный момент неизвестно».

Прочитав последнюю фразу, девочка громко вздохнула, ей-то как раз было хорошо известно, где находятся останки великого Лазаря – в запечатанном воском кувшине.

Если все прочитанные книги являлись «новомодными дамскими романами», то свиток с заклинанием, скорее всего, вообще полная ерунда, не стоило и проверять. Спускаться в подвал, чтобы бросить рулончик среди вороха таких же бесполезностей, Мирре было лень. Поэтому она просто забросила заклинание на кухонную полку. Даже в своей благодарности Флап оказался самым настоящим жуликом. Приходилось только благодарить случай, или Жизнеродящую, что рядом с осиротевшей драконицей в свое время оказался именно Лазарь, а не кто-то наподобие нечаянного гостя. От нахлынувших воспоминаний стало очень тоскливо. Из глаз полились горькие слезы. Девочка пыталась высушить этот поток, но понимая тщетность попыток, выскочила на улицу, обернулась драконом, потом расправила крылья и поднялась в воздух.

3

После смерти Лазаря минуло почти два года. Сезоны Империи сменяли друг друга, засуху прогонял дождь. Люди рождались и умирали. Строились города и сносились дома. Менялся ландшафт планеты.

Только в жизни Мирры все оставалось стабильным и неизменным. Даже замок, казалось, прекратил разрушаться, смирившись с выделенной девочкой площадью под обитание. Драконица продолжала жить одна, если, конечно, не считать пса, волушу и многочисленных несусешек – хорошей компанией. Приглашать кого-то в гости Мирра больше не решалась. Опыт с Флапом оказался настолько неудачным, что не хотелось посвящать еще кого-то совершенно случайного в свою жизнь.

Впрочем, девочка привыкла к одинокому существованию. Она и сама не заметила, как постепенно выработала для себя какой-то свой распорядок дня: ухаживала за животными утром, прибирала в жилых помещениях днем, приносила букеты из диких цветов к праху Клотты и Лазаря вечером, изучала труды старого магистра, невольно вспоминая его уроки колдовства и магии в каждую свободную от насущных дел минутку. Справедливости ради, надо признать, что способности Мирры не остались на прежнем уровне. Теперь она с легкостью могла навести морок, наколдовать ушат холодной воды, прочесть некоторые мысли, особенно в обличье дракона, и, самое главное, как-то само собой получалось залечивать ссадины на коленках своих маленьких приятелей из города и поселка. Эту бы способность раньше, когда заболел Лазарь! Но она запоздала в своем проявлении.

Если у девочки возникала острая необходимость в общении с разумными имперцами, она навещала местный рынок. Торговки сочувствовали сироте и оставляли для нее товар получше. Драконица расплачивалась щедро, была мила в общении, хотя почти ничего не рассказывала о себе и больше внимала их рассказам. А вот ребяташки, наоборот, с удовольствием слушали сказки, некогда прочитанные ею в книжках.

Размеренная жизнь приучила Мирру к созерцанию окружающего. Она полюбила летать по ночам, любоваться звездами и прислушиваться к крикам сов. Наверное, где-то в лесу охотился спасенный ею совынок. Девочка любила придумывать ему какие-то характерные черты и приключения. В какой-то книге Мирра прочла, что, когда умирает маг, любое зачатое в этот момент существо может принять его душу. Вполне могло оказаться, что душа Лазаря именно в той птице, чудом уцелевшей после змеиногo разбоя. Ведь старик же посулил быть рядом!

Обещанный же им отец так и не появился на пороге. Теперь девочка могла вспоминать предсказание Лазаря с легкой улыбкой. А ведь в первое время с завидным постоянством выходила на перепутье и приглядывалась ко всем прохожим, нарочито поигрывая позаимствованным в вещах матери перстнем.

– Ты ошибся, Лазарь, – шептала Мирра, опустившись на колени перед кувшином с прахом. – Если кто и мог рассказать мне, кто я – то этого человека уже давно нет в живых, и это моя мать.

Достаточно было переползти на коленях, чтобы продолжить свой монолог:

– Мама, ты ждала от меня проявления драконьей сути, а потом отчаялась. Я понимаю и прощаю твою холодность. Она проистекала не от равнодушия, или неумения любить. Просто, видимо, кто-то очень обидел тебя. Но ты ведь не зря носила на шее этот перстень? – девочка теребила украшение в пальцах, чувствуя, как оно нагревается и будто оживает.

Когда сердце просило полета, девочка выскакивала на полуразрушенный балкончик самой высокой башни и кидалась вниз. Воздушный поток подхватывал ее неуловимо меняющееся тело и помогал парить. Состояние было чем-то похоже на купание в реке, когда ощу-

щаешь под собой манящую глубину, но упорно держишься на поверхности. Драконица наслаждалась видом маленьких, как будто игрушечных зданий, пролетала над селами и городами, видела, как разбегаются, ощутив ее, животные, а люди просто озираются по сторонам и смотрят в небо, выискивая тучу, что внезапно навеела ранние сумерки в жаркий полдень.

Девочка мысленно посмеивалась, прячась за легкими облаками, уверенная в собственной невидимости и защищенности. Люди уже почти не верили в драконов, считая их реликтом, сказкой, канувшей в давнее прошлое. Крылатые настолько растворились среди прочих имперцев, настолько переняли их быт, культуру, что, наверное, сами вспоминали о своем племени, лишь поднимаясь к небесам.

Мирра совершенствовалась в умении считывать чувства мужчин, женщин, детей – это стало любимым развлечением во время полетов. Мысли носились в воздухе неуловимыми птицами, проскальзывали в самую маленькую щель, вились и перепутывались. Иногда драконица клала зубы, в попытке укусить, распробовать на вкус, но они оказывались безвкусными, и терялись в окружающем пространстве.

«Дорогой! Он удивительно щедр ко мне!» – щебетала чувственность влюбленной булочки.

«Семь, восемь... Семьдесят восемь! Знаю, что не так, но иначе я останусь внакладе!» – шелестела жадность скупщика.

«Мамочка» – пела нежность новорожденного.

«Помогите! Убивают!» – вопила из подворотни чья-то беда...

Стоп! Вопль?

Он шел откуда-то снизу, тянул гирей, засасывал своей неотвратимостью, связывал и сковывал. Мирра сосредоточилась, пытаясь выделить в общей мешанине чужих мыслей именно этот. О защите молили двое. Отчаянно и обреченно, стараясь не потерять надежду, но почти не надеясь на спасение. Их чувства перемешивались с эмоциями нападавших, свивались в жгут, болезненно хлеставший по нервам драконицы. О справедливой и честной драке речь, похоже, не шла. Слишком уж много самодовольства слышалось в мыслях нападающих, уверенности в собственной безнаказанности, силе и численном преимуществе.

Драконица спустилась ниже, минуя занавесу облаков, и резко затормозив на одном месте. Этот непростой маневр поднял клубы пыли на земле и дался Мирре тяжело. Она, понимая, что рискует оказаться замеченной случайными прохожими, но все же считая неправильным отказать в помощи страждущим, начала медленно поворачиваться, пытаясь поймать обрывок ускользающей мысли, чтобы поточнее определиться с направлением. В итоге, спустилась почти к самой земле и полетела прямо над крышами домов, зорко всматриваясь в каждый закоулок, каждый тупик.

Люди, занимающиеся своими делами, нервно вздрагивали от ветра, поднятого сильными крыльями, протирали глаза от пыли, но видели только загадочную тень из своих снов или детских сказок. Она летела, словно миновав границу между реальностью и фантазией, а потом вдруг таяла вдали, стремительная и неуловимая. Никому из имперцев просто не приходило в голову, что то, что они принимали за видение – им не являлось. Они настолько привыкли считать драконов выдуманным персонажем, возможно, существовавшим когда-то давно, но теперь благополучно растворившимся в их генетических цепочках без следа, что просто списывали увиденное на жару, усталость, недосып и прочие причины.

Перед Миррой же теперь простиралась узкая глухая улочка. Лавировать и вписываться в ее повороты стало весьма затруднительно. Девочка, мгновенно перевоплотившись из драконьего в человеческий облик, и встав на ноги, скривилась от отвращения: в нос настойчиво лез запах нечистот. Дорожные камни были грязны и склизки, Мирра едва не оступилась, но все же удержалась. Прислушавшись, она уловила доносящийся издалека шум драки. Теперь чужие мысли не были столько отчётливы, как слышались в облике дракона, они проходили скорее

едва уловимым фоном, какой многие называют интуицией, внезапно ощутив опасность и сворачивая с дороги. Девочка не свернула. Справедливо рассудив, что нынешняя ее суть едва ли может напугать бандитов, или кто там еще был, она поспешила на всякий случай навести на себя морок и стала хорошо экипированным гвардейцем королевской армии (они изредка встречались на рынке, или прочих местах), у которого было больше шансов утихомирить драку, а затем решительным шагом двинулась вперед.

За поворотом, ограниченным, с одной стороны, высоким забором, а с двух других – глухими стенами без окон, четверо бородатых головорезов, пытая и оглядываясь, избивали двоих парней.

Один из них – в дорогой одежде – уже лежал на земле, только прикрывая белокурую голову руками и содрогаясь от жестких пинков. Второй – видом значительно попроще – еще защищался, выставив вперед руку с ножом, но уже тоже едва держался на ногах.

Немного в стороне от эпицентра драки стоял скрытый в тени господин в расшитом золотом плаще. Заметив Мирру, он вдруг пронзительно свистнул. Головорезы тотчас прекратили свое черное дело и буквально растаяли в полумраке, одним прыжком перемахнув через забор.

Последний из бандитов, прежде чем скрыться, одним отточенным движением, толкнул вельможу в грязь, не зло, скорее, показательно только для того, чтобы доказать непричастность того к банде.

Господин сначала упал, потом картинно-тяжело поднялся и начал ругаться громиле в след, а после, с нарочитым участием кинулся к лежащему на земле, попутно сбивая с ног ловкой подсечкой парня с ножом, который кинулся, было, за головорезами.

– Помогите, сударь! Посмотрите, что сделал этот негодяй! Напал на нас посреди белого дня, пытался ограбить! – закричал вельможа. – Его дружки убежали, но я уверен, что ничего не стоит выбить у этого бандита их имена!

На что он рассчитывал, было не понятно, ведь вся сцена разыгралась на глазах у Мирры. Видимо, лжец надеялся сыграть на контрасте внешнего вида и социальных слоев.

– Разберемся, – девочка постаралась говорить глухо, чтобы не выдать своего истинного пола.

Она начала деловито осматривать место, где разыгралась драка. Как поступают в подобных ситуациях настоящие гвардейцы, Мирра не имела ни малейшего представления, но надеялась, что ничего в ее действиях не вызовет подозрений.

Вблизи стало видно, что между вельможей и лежащим на земле без сознания юношей имеется заметное семейное сходство: оба светловолосы, красивы, с тонкими чертами лица. Их богатая одежда сейчас была вымазана в грязи, но они явно одевались не в случайных лавочках.

Второй юноша принадлежал к другой породе: с темно-каштановыми кудрями, резкими скулами, смуглой кожей, дерзкой кривой ухмылкой и вызывающим взглядом из-под нахмуренных бровей. Нож и одежда говорили о том, что их хозяин живет, где придется, и занимается, чем захочет. Подоспей Мирра немного позже к драке, она бы вполне поверила, что этот бродяга – обычный воришка, которому не повезло проверить ограбление.

Парень не пытался оправдаться на обвинения вельможи, лишь стискивал зубы плотнее. Мирра ощущала волны боли, пульсирующие в его теле и неприязнь. Но нож теперь валялся в стороне, к тому же драконица не сомневалась, что нападать незнакомец не собирается.

– Я разберусь с вором, – пообещала девушка устами гвардейца. – А, вам следует поскорее привести лекаря, вашему другу явно не хорошо.

– Конечно-конечно, – господин согласно закивал головой, проворно вскочил на ноги и поспешил прочь из тупика, оглянувшись у поворота, он еще раз пообещал не задерживаться.

Мирра надеялась, что ей хватит времени, чтобы хоть как-то помочь пострадавшим. Она присела перед юношей в богатой одежде, посчитав его состояние более тяжелым. Его хорошо

отделали: лоб и щека представляли собой один сплошной кровоподтек, на груди быстро расплывалось алое пятно. Девушка, сосредоточившись, принялась затягивать эту рану, пока не стало слишком поздно. В голове каруселью крутились мысли, что вряд ли мишенью головорезов был юноша с ножом. Скорее он просто оказался не вовремя в неудачном месте. И к его чести, не испугался.

– Что это за спектакль? – хрипло поинтересовался бродяга, отползая к стене и приваливаясь на неё со сдержанным стоном.

– Подожди, сейчас и тебе помогу, – пообещала Мирра, не разобравшись в сути его вопроса. – А потом надо будет сматываться, пока не вернулся тот господин. Боюсь, он может ненароком перепутать и привести убийцу, а не врача.

– Так ты с ним не заодно?

– Я в первый раз его видела, – коротко ответила девочка, отмерив собеседника быстрым взглядом.

– А почему он назвал тебя сударем?

Мирра удивленно воззрилась на парня. Морок должен был подействовать и на него, но не подействовал. Похоже, бродяга видел ее в истинном облике.

– А как видишь меня ты?

– Ну, точно не сударем, – он криво усмехнулся и, болезненно поморщившись, схватился за правый бок. – Ты не против, если я уйду прямо сейчас? Иначе, потом, боюсь, не успею.

– Тебе есть куда идти?

– Найду. Мой дом – в каждой подворотне.

– Я так и подумала, – она не хотела обидеть парня, но он, видимо, и не думал обижаться.

Попытался привстать, но лишь бессильно рухнул на землю, снова выдав самочувствие кривой гримасой.

– М-да, далеко ты не уйдешь, – констатировала Мирра.

– Тогда поползу, – отшутился бродяга. – Ничего страшного, не в первый и не в последний раз. Мне надо только отлежаться и передохнуть.

– Сомневаюсь, что здесь тебе дадут это сделать.

– Так может, дождаться того милого джентльмена, который обещал подкрепление? Меня поднимут под белы ручки и препроводят в городскую тюрьму, – парню надо было отдать должное, он не хныкал, не давил на жалость и даже иронизировал по поводу происходящего.

Девочка прикинула, что можно сделать. Буквально на днях в бумагах Лазаря она наткнулась на необычное заклинание переноса, в котором магистр довольно пространно описывал исключение из формулы расстояния: время, помноженное на скорость – такого фактора, как время. Тогда становилось возможным мгновенно перенести желаемый объект из одного места в другое. То есть, он как бы двигался, но незаметно для себя и окружающих, и оказывался, там, куда его отправила воля отправляющего. Опыты Мирры доставить яйца из-под несушек прямо в кухню – оказались успешными. Но живые объекты она переносить не пробовала.

Изложив все это избитому бродяге, девочка одновременно и рассчитывала получить его согласие на перенос себя отсюда в ее замок, и боялась его, потому что не могла знать, как это может сказаться на живом существе.

Он кивнул.

– Значит ты согласен?

Бродяга еще интенсивнее тряхнул головой, охнул и опять поморщился.

– Боюсь, в данный момент нет других вариантов, – девочка едва коснулась его лба. – Не удивляйся тому месту, где окажешься, и никуда не уходи.

– Мне будет сложно это сделать, – прерывисто ответил парень. – Особенно, если там найдется удобное местечко для сна.

– Найдется. Вообще-то я там живу. Кстати, ты не знаешь, кто этот юноша? – напоследок перед переносом спросила Мирра.

– Принц Людвик, – ответ ещё висел в воздухе, а говорящего уже не было.

– Принц? – девочка внимательно присмотрелась к раненому.

Он все еще находился без сознания. Однако рана уже не кровоточила и даже покрылась тонкой нежной кожей, благодаря стараниям драконицы. Его длинные светлые волосы слиплись, тонкие губы сжались в суровую линию. Цвет глаз, разумеется, было невозможно определить, но ресницы длинными стрелами оттеняли бледные щеки, на которых пока не было признаков бороды. Одежда была местами разодрана и испачкана, однако сшита по последней моде. Юноша вполне мог оказаться принцем. Тогда кто же тот лживый господин, отправившийся на поиски лекаря? Кузен, родной старший брат, дядя? Спросить было не у кого. Но если он занимает столь же высокое положение в обществе, в его силах будет устроить еще какую-нибудь пакость, пока так называемый Людвик не пришел в себя.

Мирра без раздумий схватила раненого в охапку и обернулась драконом. Она логически рассудила, что если парень является принцем – то лучший способ избежать следующего покушения – это отправить его к нему домой. Но на повторный магический перенос никаких сил у девочки уже не осталось. Дворец находился примерно в часе ходьбы. Полет займет гораздо меньше времени. Она оставит юношу на попечение прислуги и будет надеяться, что все обойдется.

С живым грузом в когтистых лапах оказалось не просто лететь. Терялась красота и маневренность. Приходилось сосредотачиваться, чтобы случайно не выронить невольного пассажира. Особенно тогда, когда он затрепыхался, видимо, на какое мгновение, придя в себя.

– Тихо, Людвик! – рыкнула драконица и покрепче ухватила его.

Юноша что-то промычал в ответ и обмяк снова. Мирра вздохнула, опасаясь, что умудрилась напугать принца до сердечного приступа, Людвик выглядел таким хрупким и утонченным.

За пенистыми облаками показались шпили дворца. Они сияли золотом и казались невероятно красивыми. Мирра спустилась пониже. Облетела несколько башенок, пытаясь отыскать хотя бы один подходящий балкон, где она могла бы оставить свой живой груз, но все напрасно. А открытые окна были слишком маленькими.

– Пролетайте дальше, мимо дворца и налево. Впереди будет пещера, там почти не бывает людей, – вдруг довольно связно посоветовал раненый.

Коротко взглянув, Мирра убедилась, что он пришел в себя, а не бредит. Юноша был бледен, однако в лапах уже не обвисал, а самостоятельно держал свое тело, и смотрел на спасительницу, немного удивленно, но без особого страха.

Она, кивнув, выпустила дымок из пасти, окутывая себя и своего пассажира непроницаемым облаком, и полетела в указанное место.

Пещера находилась на вершине горы. Перед ней была расчищена довольно ровная площадка, на которой виднелось недавнее кострище. Вход прикрывало тканое полотнище, развевающееся на ветру. Узкая крутая тропа была видна до самого низа, что исключало появления кого-то нежданного.

Драконица осторожно спланировала вниз и бережно опустила раненого. Тот немного посидел на земле, видимо, пытаясь справиться с нахлынувшей дурнотой, но довольно быстро пришел в себя, поднялся на ноги и галантно поклонился своей спасительнице. Его поза выражала полнейшее почтение, а голубые глаза смотрели с любопытством и скрытой улыбкой.

– Я благодарю вас. Кажется, если бы не вы, моя душа бы уже блуждала в поисках Мракнесущего.

– Рана была неприятная, но сейчас уже все в порядке. Вы действительно принц Людвик? – поинтересовалась Мирра, сделав небольшую паузу.

Он кивнул и улыбнулся широко и открыто, едва показав ряд ровных белоснежных зубов.

– В таком случае, будьте осторожны с господином, похожем на вас, – предупредила драконица.

– На меня? – он задумался. – Приму к сведению, – к предупреждению юноша отнёсся довольно серьёзно, глаза его налились холодом, а лицо напряглось, сразу показавшись старше, впрочем, это длилось несколько мгновений, потом он вновь смягчился и поинтересовался даже несколько игривым тоном: – Как ваше имя, сударь или сударыня, я могу узнать?

– Сударыня, если вам угодно. На счет имени... Не думаю, что мы еще встретимся, я случайно оказалась на вашем пути, и предпочитаю остаться инкогнито, – она не собиралась показывать свой человеческий облик.

Это было небезопасным и не имело смысла: жизни принца уже ничего не угрожало, вмешиваться в дворцовые интриги у девочки не было никакого желания, а в ее замке ждал ещё один пострадавший, вызывающий бурю опасений и сомнений в душе.

– В таком случае, – юноша проворно подскочил к ней, крепко обнял за шею и быстро поцеловал, нисколько не опасаясь зубастой пасти, – позвольте хотя бы так отблагодарить за мое спасение. Но если вам когда-то будет нужна помощь, – он сорвал с плаща витиеватую, украшенную самоцветами, камею, – можете прийти во дворец и передать эту вещь, я пойму, что вы назначаете мне встречу, и тотчас являюсь сюда. До этого момента, позвольте считаться вашим должником.

– Пустяки, – отмахнулась Мирра.

Порывистый поцелуй смутил ее. Девочка не хотела брать украшение, но принц насильно вложил его в лапу.

– Прощайте, ваше высочество!

Людвик кивнул:

– До свидания, незнакомка. Позвольте все же надеяться на продолжение нашего знакомства.

Мирра, чтобы не смутиться еще больше, быстро поднялась в воздух, махнула крылом в прощальном жесте и поднялась к облакам, за принца можно было более не волноваться, он вполне пришел в себя, раз пытается проявить галантность и пофлиртовать.

Золотые шпили дворца и грот остались далеко позади. Драконица, скользя по небу, старалась не думать о неожиданном поцелуе юноши, но это оказалось сложно. Воображение вновь и вновь, совершенно некстати, подсовывало немного прищуренные голубые глаза, высокие четкие скулы, волевой подбородок. Даже в крови и пыли принц был красив. И осознание того, что она помогла ему, возможно даже спасла от смерти, заставляло сердце сладко замирать. Разумеется, Мирра не думала продолжать это краткое знакомство, где Людвик и где она, но оказалось весьма приятно осознавать, что на память о нем останется элегантная красивая вещица. Девочка крепче сжала ее в лапе. Застежка раскрылась и острым концом вонзилась в плоть – боль оказалась неожиданной и отрезвляющей. Драконица едва не выронила подарок, и внезапно устыдилась своих недавних мыслей. Решив считать случившееся просто кратким приключением, она полетела еще стремительнее.

Однако, впервые вид собственных развалин немного разочаровал девочку. Никогда прежде она не сравнивала свое жилище с каким-либо еще. Теперь же темные строгие камни казались холодными и неудобными. Жизнь в них застыла ледяной каплей. Наверное, однажды так же застынет и душа драконицы. Последняя мысль оказалась не менее болезненной, чем укол камей.

Мирра приземлилась прямо у входной двери и мгновенно обернулась человеком. Она быстрым взглядом окинула свой двор: никаких видимых изменений не наблюдалось, пес спал в конуре, волуша медленно пожёвывала сено под навесом. Никакие признаки не выдавали того, что в доме гость. Девочка искренне надеялась, что магический перенос живого существа ока-

зался удачным. В худшем случае, парень мог оказаться в саду, или вообще не пойми где, а ему ведь и так не сладко пришлось.

Мирра распахнула дверь и прошла в кухню. В очаге горел огонь, на приступке дымился котел с водой. Бродяга дремал, откинувшись на спинку плетеного стула, но при появлении девочки, открыл глаза и попытался вскочить, что, разумеется, сделать ему не удалось. Выглядел гость неважно. Пожалуй, даже намного хуже принца: губы разбиты, от уха до подбородка глубокая ссадина, волосы всклокочены, весь в пыли, поту и собственной крови, босые ноги черны от грязи, а одежда разодрана ни сколько от драки, сколько от ветхости. Единственное, что выпадало из общей картины, охваченной Миррой в облике парня – это руки, утонченные, с аккуратными ногтями и чуткими длинными пальцами.

Резкое движение, видимо, причинило бродяге боль. Он задрал рубашку – на боку обнаружилась длинная сочащаяся кровью рана.

Девочку окатило стыдом. Человек тут страдает, а она забила себе голову романтическими бреднями. Не стоило столько возиться с Людвигом. Вполне можно было обойтись без вежливых экивоков, которыми они обменялись у пещеры.

– Извини, немного задержалась, – проговорила драконица, приседая перед бродягой и отводя его руки. – Сейчас помогу.

– Я Жюль, если что, – морщась, представился гость.

– Потом познакомимся, – отмахнулась она, волшебной силой стягивая рану, заживляя сосуды и разглаживая кожу. – Сначала приведу тебя в порядок. А потом уж расскажешь, что произошло в том тупике, и как ты умудрился ввязаться в дворцовые интриги.

Парень криво усмехнулся и расслабился под манипуляциями Мирры. Она еще не успела закончить лечение, как он уже спал, едва слышно посапывая.

Девочка присмотрелась к нему. Жюль казался на пару лет старше принца, телосложение имел худощавое, но жилистое, черты лица были резковатыми, но отвращения не вызывали, скорее, даже, притягивали взгляд: сросшиеся на переносице брови; под ними глубоко посаженные большие глаза с густыми ресницами, но не по-девичьи загнутыми, как у Людвига, а росшими прямо, будто молодая поросль; нос небольшой горбинкой медная кожа загорелая и обветренная под тысячу ветров имперских дорог; подбородок с ямочкой, немного съехавшей на бок. А вот губы словно – небольшие и мягкие – словно случайно оказались на этом лице. Густые волосы цвета старой меди прилипли ко лбу, им давно требовался хороший гребень и рука умелого цирюльника, но их хозяину, видимо, все было недосуг. В данный момент красавцем парня не назвал бы никто. Но определенное дикое обаяние словно просвечивало сквозь царапины и шрамы.

Два сегодняшних подопечных Мирры отличались внешним видом, как день и ночь. У силы, сведшей их в общую драку в тесном переулке, фантазии оказалось не занимать. Она словно выстраивала картинку, следила за эстетикой преподнесения и играла на контрастах.

Мирра хмыкнула своим мыслям и продолжила лечение. Ее совесть будет чиста только тогда, когда на парне не останется ни одного шрама. Это будет ее искуплением от ввергающих в краску мыслей, еще недавно владевших сознанием.

4

– Значит ты, Жюль?

– Жюль.

– Просто Жюль? Безо всяких добавок вроде второго имени, фамилии, признаков рода?

– Совершенно верно, – он кивнул и ловко перевернул вертел над огнем, а потом ухватил кончиками пальцев кусочек шипящего от жара мяса, подул и прожевал с явным удовольствием.

Девочка склонила голову на бок, с интересом наблюдая за его манипуляциями. От фруктов, воловка и вчерашней каши ее исцеленный гость отказался. Лично провел ревизию продуктов в кладовой и теперь собственноручно готовил ужин по своему вкусу. Абсолютно ничего не указывало на то, что еще пару часов назад парень едва дышал от переломанных ребер и пытался зажать резаную рану на правом боку. Теперь у него открылся просто зверский аппетит, и даже обозначилась некоторая наглость в выборе продуктов.

– И как же тебя занесло в ту подворотню? – Мирра приподняла тонкую бровь.

– Ты согласишься, если я отвечу, что по долгу службы? – она помотала головой, поэтому Жюль продолжил: – Ну, тогда предложу другую версию – абсолютно случайно.

– И, конечно, случайно узнал, что несчастный юноша – принц Людвик?

Он усмехнулся, едва обозначив еще одно несоответствие в своей внешности – ямочки на щеках.

– Ладно, вариант – по зову сердца – тебя устроит?

– Что? Оказался на месте драки? Или узнал в несчастном его высочество?

Парень подцепил еще кусочек и помолчал, прожевывая, потом кивнул то ли в ответ на заданный вопрос, то ли своим мыслям.

По всей видимости, мясо дошло до нужной стадии готовности, Жюль подцепил тушку двумя вилками и аккуратно переложил на блюдо, попутно украшая несколькими веточками пряной травы и поливая соком меженинки, найденной в саду.

– Ну? – Мирра не собиралась довольствоваться его уклончивыми фразами и двусмысленными ухмылками.

– Что? – гость уже отмахнул себе столовым ножом изрядный кусок и, не дожидаясь, пока тот остынет, засунул в рот.

– Я имею право знать. У меня еще неделю будут болеть руки от твоего лечения, – она умолчала о том, что и летать тоже пока не сможет, ее внутренние резервы заметно иссякли, нужно было время, чтобы их восстановить, иначе, как она могла предположить ей грозила участь матери.

– Не только моего, – Жюль хитро прищурился, в его серо-зеленых глазах зажглись желтые огоньки, а на губах мелькали следы тщательно скрываемой улыбки. – Ведь ты же не оставила бедного принца, на радость его дядюшки – лорда Горидея, умирать в луже собственной крови?

– Дядюшки?.. Не оставила, – девочка тоже решила попробовать мясо, оказалось невероятно вкусно, а особую прелесть придало нечаянное воспоминание о выздоровлении и поцелуе Людвика.

– Ну вот, – парень пожал плечами. – А хочешь всю ответственность спихнуть только на меня.

Мирра просто не нашлась, что ответить. Жюль озадачивал, но не смущал, как галантный и воспитанный принц. Чувствовалось, что жизнь потрепала бродягу и научила иной раз обходить правила хорошего тона без особых угрызений совести, однако, несмотря на негативный опыт общения с Флапом, девочка откуда-то знала, что не стоит опасаться удара в спину или воровства от этого нового знакомого.

Изредка перекидываясь ничего не значащими фразами, молодые люди воздали должное великолепному ужину, а потом вышли во двор. Пес, без остановки виляя хвостом, подскочил к гостю и принялся ласкаться, будто несмышленный щенок. Это было совсем не в характере зверя.

– Обычно он не такой дружелюбный, – удивилась девочка.

– А я вообще в стандарты не вписываюсь.

– Ага. И от излишней скромности не страдаешь.

Парень широко улыбнулся и похлопал зверюгу по палевому боку. Гром млел и широко разевал пасть, вываливая язык.

– Похоже, хорошо ладить со всеми – твой талант.

– Ну, он бы мало мне пригодился, не встретиться ты.

– И все-таки, не похоже, что ты так уж случайно оказался там, где устроили засаду на принца?

– С чего ты это взяла?

– У тебя был нож, ты производил впечатление человека, настроившегося, если надо, отдать жизнь, но защитить Людовика?

– Допустим, нож при мне всегда. Мой дом – это улица. Ты ведь знаешь, что и где происходит у тебя, – он окинул взглядом замок, – в доме?

– Боюсь, что нет. У моего жилища несговорчивый нрав, куда оно меня пускает, туда я и хожу.

– Значит мне повезло больше, – у Жюля за пазухой было много тайн, и делиться ими пока он не собирался.

Мирре стало немного досадно. Хотелось ответов, нормального общения, а не этого фиглярства и кривляния, иначе обозначить эти недомолвки она не могла.

– Пойду, приготовлю для тебя постель. Тюфяк придется немного просушить на солнце, занесешь потом сам, когда решишь лечь. Спать будешь на кухне. Извини, отдельной комнаты для тебя приготовить времени не было.

– А ты?

– А я – там, где и всегда. Если что будет нужно, крикнешь.

– Доверяешь? – хмыкнул гость.

– У меня нечего брать, – девочка была уверена, что он не станет отковыривать самоцветы с оклада картины и рыться в сундуках.

– Твою жизнь, – он зверски оскалил зубы и поднял руки, сделал вид, что хочет придушить Мирру.

Ласковый пес мгновенно ощерился и с рычанием кинулся на Жюля, повалив того на землю и обдав горячим дыханием пасти, видневшиеся в ней клыки оказались довольно крепкими, длинными и острыми. Мирра довольно улыбнулась и насмешливо посмотрела на опешившего парня.

– Тихо, Гром! Тихо.

Она не стала говорить, что гость свой, просто почесала зверюгу за ухом. И отправилась готовить место для ночлега неожиданного гостя. Повозилась немного внутри замка, потом вышла с большим тюфяком.

Жюль потер ушибленный бок, не выказывая особого страха перед псом. Гром же улегся перед парнем на спину, подставляя мохнатое пузо и выражая полное дружелюбие. Вспышка агрессии прошла, как и не бывало.

– Если учитывать, что всякий зверь – отражение своего хозяина – ты довольно непредсказуемая штучка, – пробурчал парень, оглянувшись на копошащуюся девочку.

– Я проста и понятна, в отличие от тебя.

– Ты? – он окинул ее скептическим взглядом. – Живешь в развалинах, по всей видимости, одна, обладаешь магией и сторонишься тесного общения с людьми – это просто или понятно,

на твой взгляд? И заметь, я еще не упоминал того факта, что за время проживания в городе никто не упоминал наличие замка в окрестностях. А поверь мне, я повидал немало подобных развалин, по ним всюду шныряют ребяташки и любители легкой поживы, что-то не заметил здесь упомянутой компании.

Мирра деловито выбила из тюфяка пыль, потом перекинула через перекладину для просушки. В проницательности ее гостю было ни занимать. Подумала немного, разглядывая что-то в облаках, и лишь затем отозвалась:

– Ты тоже далеко не ломанный грош.

Ее немного раздражало, что все нужные и острые ответы приходят ей в голову немного позже, чем следует. Возможно, сказывалось отсутствие опыта общения с молодыми людьми, или просто склад характера такой. Девочка почувствовала себя маленькой и глупой.

– Я – новенький сигмент. Такой же хрусткий и блестящий, – рассмеялся Жюль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.